

диакон
**Андрей
Кураев**

Если Бог есть Любовь...

«Страсть подозрительности, которая всюду видит лишь худшее и все поступки, слова и жесты людей истолковывает лишь в самом неблагоприятном для них свете. Так можно осудить все что угодно».

А.Кураев

Предисловие

«По причине умножения беззакония, во многих охладает любовь». Трудно судить другие времена, но то, что мы очень хорошо знаем о нашем времени, принуждает думать, что именно о нем сказал Христос эти слова. Слишком многое они объясняют в современном состоянии человека и мира. Объясняют они и самое главное — отношение человека к Богу и состояние нашей духовной жизни. Горение «первохристианства», средневековый «фанатизм», «серьезность» первых столетий Нового времени сменились у нас, «христиан», тупым равнодушием и потрясающим невежеством, которые компенсируются самым поверхностным любопытством ко всему на свете, в том числе и ко всевозможным религиозным «традициям». Это любопытство, довольствующееся, как правило, уровнем двух любимых журналов советского интеллигентного обывателя, «Наука и жизнь» и «Наука и религия», поддерживает жесткую идеологию, которая, продолжая и развивая законодательную доктрину равенства всех религий, требует безусловного признания их равнозначности. Для подавляющего большинства «интересующихся» дело представляется безобидным блужданием «в мире идей», тем более интересным, чем больше экзотических маршрутов предложит соответствующий «туристический бизнес». Но — гони природу в дверь, она войдет в окно. Попытка изгнания религии из человеческой жизни, хоть и была предпринята лучшими умами, не могла не кончиться провалом, потому что по природе своей человеческая душа ищет поклонения Богу. И когда она утрачивает истинное поклонение Истинному Богу, кому только она не начинает поклоняться. И наш «блестящий» XX век, когда человечество, кажется, готово лопнуть от надмения самодовольством, начинался как век решительного падения христианства, что отождествлялось с торжеством рационализма и безбожия, а заканчивается повсеместным распространением самых чудовищных сект, в которых оживают давно, казалось, поверженные христианством формы язычества.

К такой современности и обращается своей книгой отец диакон Андрей Кураев. Книга эта не только высокоталантлива по писательскому мастерству. Отец Андрей являет силу верующего разума и живую жизнь верующего сердца. В простых, сильных и проникновенных словах проповеди он являет — Самого Христа, Спасителя мира, Богочеловека, пролившего за нас Свою Кровь. Христианство — не просто «учение», одно из многих. За уникальностью этого учения стоит уникальность Личности Сына Божия,

уникальность и универсальность Его миротворительной Жертвы. Но о. Андрей находит точные и верные слова также и для выражения другой истины — той, что за различными внехристианскими, нехристианскими и антихристианскими идеями и учениями, которые так беззаботно-плюралистически коллекционируются в наше смутное время, тоже стоит определенная духовная реальность, та реальность, о которой сказано: «Все божество — бесовы» (Пс. 95, 5). Если даже эти слова Писания (что отмечает и сам автор книги) не исчерпывают всей истины о язычестве, они сообщают самое существенное для тех, кто хочет правильно ориентироваться в духовном мире, чтобы, отряхнув прах наивного материализма и вступив в эту «зону повышенной опасности», не сделать роковой ошибки, которая может стоить не короткой земной жизни, а целой вечности.

В трудном более всего на свете, но и радостном превыше всего пути ко Христу, пути во Христе в Царство Отца Небесного да будет в помощь всем честно ищущим Бога и эта новая книга о. диакона Андрея Кураева.

Завет Новый и последний

Что такое христианство в мире других религий? Один из многих путей? Исторически пройденный этап в развитии религиозного сознания? Можем ли мы представить себе религию, возвещающую более возвышенное представление о Боге, чем то, что уже многие века хранится христианами? Нельзя ли обогатить христианское богословие опытом, накопленным иными традициями и дать новое, не «средневековое» религиозное мышление? Не обветшал ли Завет, некогда названный Новым? С Ветхим Заветом люди жили менее пятнадцати веков, а с новым — уже двадцать. На пороге третьего тысячелетия не настало ли время дать новое Евангелие, новую религию человечеству? Не естественно ли предположить, что настает эра Третьего Завета?

Весь мир, некогда бывший «христианским», бурлит, ежегодно выплескивая из котла своих религиозных поисков сотни новых сект, тысячи книг внезапно появившихся «учителей», «гуру», «контактеров», «чудотворцев», «пророков» и просто «живых Богов». «Труд» (1.7.95) сообщил, что «на территории России, как утверждают статистики, действует сегодня около 300 000 народных целителей, ясновидящих, магов и астрологов». Триста тысяч святых и пророков! Спустя всего пять лет после отмены в России государственного безбожия уже на каждых триста пятьдесят человек приходится один «богоизбранный» чудотворец! И это вполне близко к стандартам современного «цивилизованного мира»: по утверждению американского сектолога Г. Дж. Берри «в одном только Лос-Анджелесе около тысячи активных „контактеров“¹. И «информация», которая поступает ко всем этим людям «из глубин Космоса», в принципе одна: пора отложить в сторону Евангелие и перейти к оккультизму, который и будет «Третьим Заветом».

Я же эту «космическую информацию» встречаю простым вопросом: а возможно ли что-то действительно новое в религиозной истории человечества после Нового Завета? Может ли в принципе возникнуть некоторое более высокое представление о Боге, чем-то, которое изложено на евангельских страницах?

Предположим, что все это возможно. Предположим, что на пороге третьего тысячелетия по Рождестве Христовом человечество готово к принятию «Третьего Завета». Предположим, что в разных религиях мира хра-

¹ Берри Г. Дж. Во что они верят. М., 1994, с. 158.

нятся кусочки единой мозаики и их можно сложить воедино, чтобы получить, наконец, целостный образ Божества.

Однако очевидно, что на этом пути «синтеза» и «эволюции» должно быть сохранено все лучшее, что было обретено и закреплено в прежних религиозных поисках человечества.

Наверно, не нужно доказывать, что во всем многообразии религиозных учений и практик человечества те традиции, которые пришли к выводу о Едином Первоначале, сделали шаг к более высокому мировоззрению, чем те народы и культуры, что остались при политеистическом (многобожническом) мировосприятии. Всюду, где пробуждалась религиозная мысль, то есть всюду, где религиозная жизнь не сводилась к обрядовости, люди приходили к выводу о том, что все многообразие бытия имеет Единый Исток. Философия Древней Греции, равно как и мысль Древней Индии, пришла к выводу о том, что Божество Едино. О том же горячо проповедовали пророки Древнего Израиля: Бог Один.

Значит, синтез всего лучшего, что было наработано в религиозной эволюции человечества, должен строиться на основе монизма, то есть на предположении о божественном Едином, с которым как со своей Первопричиной и с основой связано все сущее.

Но монистическое мировоззрение само бывает разным. Есть школы пантеистические и есть теистические. Первое направление считает, что Единое Начало безлично, второе полагает, что Его можно представлять как Личность.

Отличие пантеистического богословия от персоналистического (личностного) вполне ясно определил И. Кант: пантеистами он назвал тех, кто «принимает мировое целое единой всеобъемлющей субстанцией, не признавая за этим основанием рассудка»¹. Безличный Абсолют пантеистов — это некая абсолютная субстанция, которая не знает себя, не контролирует себя, не обладает самосознанием и волей. Бог не есть личность, а просто Энергия, подобная гравитации, пронизывающей всю Вселенную. Эта энергия не имеет ни свободы своих действий, ни их осознания, ни контроля над своими проявлениями. Во всем мире идет неосознаваемое многоликое воплощение Единой Энергии, которая проявляет себя и в добре и в зле, и в создании и в разрушении; ее частные проявления умирают, но она всегда остается собой, никого не жалея и никого не любя. Таково пантеистическое Божество, проповедуемое, например, Джордано Бруно: «Божество не знает себя и не может быть

¹Кант И. Критика способности суждения, 80. // Кант И. Сочинения. Т. 5. М.,

познано»¹. Е. П. Блаватская говорит о нем так: «Мы называем Абсолютное Сознание „бессознанием)“, ибо нам кажется, что это неизбежно должно быть так... Вечное Дыхание, не ведающее самое себя»². «Эн Соф не может быть Творцом или даже Формовщиком Вселенной, — заявляет основательница теософии, — также не может он быть Светом. Поэтому Эн Соф есть также тьма. Неподвижно Бесконечный и абсолютно Безграничный не может ни желать, ни думать, ни действовать»³.

Но есть понимание Бога как Личности. В таком богословии, характерном, например, для христианства и ислама, Бог бесконечен, вездесущ, не ограничен ни материей, ни временем, ни пространством. «Бога нет ни в облаке, ни в другом каком месте. Он вне пространства, не подлежит ограничениям времени, не объемлется свойствами вещей. Ни частичкой своего существа не содержится Он ни в чем материальном, ни обнимает оно через ограничение материи или через деление Себя. „Какой храм вы можете построить для Меня“, — говорит Господь (Ис. 66, 1)⁴. Но и в образе вселенной Он не храм построил Себе, потому что Он безграничен» (Климент Александрийский. Строматы, II, 2). Но при этом Он знает себя, владеет всеми своими проявлениями и действиями, обладает самосознанием, и каждое Его проявление в мире есть результат Его свободного решения.

Какой из этих двух образов бытия кажется более совершенным и достойным Бога?

Если мы мыслим Абсолют, мы должны Его мыслить как совокупность всех совершенств в предельной (точнее — беспредельной) степени. Относятся ли самоосознание и самоконтроль к числу совершенств? Да. Следовательно, и при мышлении об Абсолюте необходимо допустить, что Абсолют знает Сам Себя. Входит ли в число совершенств свобода? Очевидно, что из двух состояний бытия совершеннее то, которое может действовать свободно, исходя из самого себя, сознательно и с разумным целеполаганием. Следовательно, и при мышлении Абсолюта достойнее представить, что каждое Его действие происходит по Его свободной воле, а не по какой-либо неосознаваемой необходимости. Понимание Единого как свободной и разумной Личности более достойно, чем утверждение безликой Субстанции.

¹цит. по: Боголюбов Н. Теизм и пантеизм. Нижний Новгород, 1899, с. 302.

²Блаватская Е. П. Тайная Доктрина. Т. 1. Рига, 1937, с. 102.

³Блаватская Е. П. Главы из «Тайной Доктрины» // Вестник теософии. 1913, № 10,

⁴Соловьев В. С. Понятие о Боге // Собрание сочинений. Т. 7. СПб., 1903, с. 16.

Может быть, правы атеисты, и никакого «Совершенного Бытия» и нет. Но если уж заниматься религиозной философией и создавать гипотезу о таком Бытии, то более глубокой и последовательной будет та, которая отнесет самосознание и свободу к числу совершенств, и потому в Абсолюте увидит Личность. Непонятна и необязательна пантеистическая логика, полагающая, будто при последовательном мышлении Бытия нужно лишать Его способности самостоятельно мыслить, свободно и осознанно действовать, любить и творить.

По справедливому рассуждению Владимира Соловьева, «Божество не должно быть мыслимым безличным, безвольным, бессознательным и бесцельно действующим... Признавать Бога безличным, безвольным и т. д. невозможно потому, что это значило бы ставить его ниже человека. Не без основания считая известные предметы, как, например, мебель, камни мостовой, бревна, кучи песку безвольными, безличными и бессознательными, мы тем самым утверждаем превосходство над ними личного, сознательного и по целям действующего существа человеческого, и никакие софизмы не могут изменить этого нашего аксиоматического суждения»¹.

Пантеисты говорят, что мыслить Бога как Личность значит делать Его слишком антропоморфным, занижать Божество. Но ведь сами пантеисты считают, что Бог един со всем бытием. А если Божество вбирает в себя все, что только есть сущего, то почему же Оно, неотлично тождественное с любым камнем, пнем, кометой и псом, не может быть похоже на человека? Если, по уверению пантеизма (все-божия), Божество едино со всем и является единственным субъектом всех мировых свойств и всех мировых про-

¹Апофатическим (отрицающим) называется способ богословствования, который отрицает слишком поспешное приложение к Богу человеческих философских, психологических, социальных или моралистических категорий. Апофатическое богословие подчеркивает, что Бог неизмеримо выше наших представлений о Нем, оно подчеркивает, что духовный опыт Богопознания не вмещается в слишком человеческие и потому занижающие формулы. Важно, однако, подчеркнуть, что апофатика не есть агностицизм. Агностик просто отказывается познавать Бога, в то время как богослов, работающий апофатическим методом, именно работает. Агностик отворачивается от солнца и говорит, что само существование солнца недоказуемо, и уж совсем бессмысленно всматриваться в него. Богослов же заметил солнце, признал его и до некоторой степени даже был обожжен им. И вот он как бы берет разноцветные стеклышки и через них смотрит на солнце. Конечно, каждое стеклышко затемняет, ограничивает солнечное сияние. Но, во-первых, вообще без стеклышек смотреть на солнце было бы просто невозможно. Во-вторых, лучше смотреть на солнце через затемняющие очки, чем вообще всю жизнь прожить в темной пещере. И, в-третьих, каждое новое стеклышко (то есть человеческое слово или формула) всетаки позволяет уловить какой-то новый оттенок Солнца Правды. И даже если оно заведомо не подходит — это тоже результат: мы узнали, что Бога нельзя представлять себе вот так...

цессов — то почему бы не быть ему и носителем высших человеческих свойств: разума, целеполагания, сознания, любви и гнева? Почему при мышлении об Абсолюте надо умножать на бесконечность свойства бессознательного мира, то есть низшие свойства, а не возводить в бесконечную степень такие совершенства, как свобода, разум и любовь?

Когда христианское богословие утверждает, что Бог есть личность, оно на деле совершает отрицающую, ограждающую, защищающую работу. Это — апофатическое, мистико-отрицающее богословие¹. Это не заключение Непостижимого в человеческие формулы, а освобождение Его от них. Сказать, что Божество лишено разума, любви, свободы, целеполагания, личности, самосознания, значит предложить слишком заниженное, слишком кощунственное представление об Абсолюте. Следовательно, пантеизм отрицается христианской мыслью по тем же основаниям, по которым ею отвергаются языческие представления о богах как о существах телесных, ограниченных, не всеведущих² и грешных. Утверждение личности в Боге есть утверждение полноты божественного бытия. Отрицание этой личности означает не «расширение», но, напротив, обеднение наших представлений о Боге. В конце концов, если разумное бытие мы считаем выше разумолишенного, если свободное бытие мы полагаем более достойным, чем бытие, рабствующее необходимости, то почему же то, что мы считаем Богом, то есть бытие, которое мы считаем превосходящим нас самих, мы должны мыслить лишенным этих достоинств?

Пылинка, обладающая самосознанием, бесконечно достойнее громадной галактики, не сознающей себя и своего пути. Если философ признает превосходство сознания над бессознательным миром — то он не может не признать вслед за испанским философом-экзистенциалистом Унамуно: «Но пусть кто-нибудь скажет мне, является ли то, что мы называем законом всемирного тяготения, или любой другой закон или математический принцип, самобытной и независимой реальностью, такой, как ангел, например, является ли подобный закон чем-то таким, что имеет сознание самого себя и других, одним словом, является ли он личностью?.. Но что такое объективиро-

¹ Знаменитый греческий миф об Афине, рождающейся из головы Зевса, открывает не столько «бесстрастность», сколько неосведомленность античных богов. Афина рождается из головы Зевса оттого, что Зевс перед этим съел свою собственную супругу — богиню мудрости Метиду, уже беременную Афиной, и съел именно для того, «дабы она сообщала ему что зло и что благо» (Гесиод. Теогония, 900). Боги сами не знают различения добра и зла и должны этому учиться.

² де Уномуно М. О трагическом чувстве жизни у людей и народов. Агония христианства. М., 1997, сс. 174 и 180.

ванный разум без воли и без чувства? Для нас — все равно что ничто; в тысячу раз ужасней, чем ничто»¹. Если «мыслящий тростник» ценнее, чем дубовый, но безмозглый лес, чем всегда справедливые и вечно бесчувственные законы арифметики и чем безличностные принципы космогенеза — то человек, сознающий себя, оказывается неизмеримо выше и бессознательного «Божества» пантеистов. Итак, христианская критика пантеизма — это отрицание отрицаний. «Нельзя запрещать!» Нельзя запрещать Богу думать! нельзя запрещать Богу быть Личностью!

Христиане согласны с позитивными утверждениями пантеизма: Божество неограниченно и мир пронизан Божеством. Разница здесь будет лишь в том, что пантеисты скажут, что Бог в Своей сущности пронизывает мир, а христиане — что Он пронизывает Своими энергиями. Это было бы не более чем спором о словах, если бы пантеистический тезис не влек некоторые весьма важные негативные последствия. Именно с этими отрицаниями пантеизма христиане не согласны. Мы не согласны с отрицанием в Боге личного разума, личной воли, а также надмирной свободы Бога.

Разница пантеизма и теизма резюмируется очень просто: можем ли мы «признавать моральное существо как первооснову творения»², или мы полагаем, что нравственные ценности и цели наличествуют только в сознании и деятельности человека, но они отсутствуют в жизни Божества так же, как они отсутствуют в жизни мухи.

Пантеист скажет: я отвергаю целеполагающую осознанность в действиях Абсолюта, потому что цель есть то, к чему надо стремиться в силу нехватки, отсутствия желаемого. Достижение цели обогащает того, кто стремится к достижению цели. Но Абсолют ничем нельзя обогатить, всю полноту бытия Он в себе уже имеет, и потому ему незачем действовать и ни к чему целеполагание³. Так чего же может так недоставать Абсолюту? Чего Божество может желать присоединить к Своей Полноте?

— Нас. Бог хочет не усвоить нас Себе, но подарить Себя нам. И Он дал нам свободу, чтобы этот Дар мы смогли принять свободно. Бог отпустил нас от Себя в надежде, что мы вернемся. Не для Себя Бог нуждается в нас,

¹ Кант И. Критика способности суждения, 88 // Кант И. Сочинения, т. 5. М., 1966, с. 492.

² По мнению пантеиста Спинозы, теистическое убеждение в том, что Бог действует целесообразно, «уничтожает совершенство Бога; ибо если Бог творит ради какойлибо цели, то он необходимо стремится к тому, чего у Него нет» (Спиноза Б. Этика, кн. 1. Прибавление к теореме 36 // Избранные произведения, т. 2. М., 1957, с. 397).

³ Сопоставлению пантеизма и христианства посвящена моя книга «Христианская философия и пантеизм» (М., 1997).

а для нас. Он создал нас во времени с целью подарить нам Свою Вечность. Пантеистическая цепочка рассуждения, отрицающая целеполагание в Боге, строится на чисто корыстном понимании цели: цель деятельности есть то, что нужно непосредственному субъекту деятельности. Но ведь можно желать блага другому, можно действовать ради другого. Это и называется любовью, и если Бог есть любовь — то он может желать приращения блага не Себе (в Нем все благо дано от века), а другим. Именно понимание Бога как Любви позволяет увидеть в Нем Личность и целеполагающий Разум.

Итак, та религия, которая могла бы превзойти христианство, должна была бы сохранить понимание Бога как свободной и разумной Личности¹.

Теперь мы можем продолжить наш эксперимент, чтобы решить, как достойнее думать о Боге. Можно быть нерелигиозным и неверующим человеком, но все-таки понимать, что среди множества богословских концепций самая чистая, возвышенная, продуманная — та, которая возвещает: «Бог есть любовь». И тот образ Божественной Личности оказывается и более глубоким, и более привлекательным, в котором проявления Бога усматриваются не только в воле, в силе или в разуме, но и в любви.

И вот представим, что с этим великим богословским тезисом «Бог есть любовь» мы подходим к тем образам Бога, которые есть в разных религиях.

Мир языческого политеизма в этой перспективе малоинтересен: даже если и найдется там некий бог, любящий людей, то ведь все равно он есть лишь один дух из многих. И, скорее всего, не он вершит судьбы мироздания и не он занимает высший пост в иерархии богов. «Вернемся к вопросу о том, каково было отношение вселенной к египтянам: дружественным, враждебным или безразличным. Как настроены по отношению к нам другие люди: дружественно, враждебно или безразлично? Ответ таков: специально никак не настроены, но заинтересованные в нас существа относятся к нам дружелюбно или враждебно в зависимости от того, совпадают их интересы или противоречат нам; незаинтересованные существа относятся к нам равнодушно. Дело сводится к тому, каковы интересы данной силы и каково ее расположение к нам в данный момент. Солнце согревает и этим дает жизнь, но оно же, сжигая, может уничтожить жизнь, или же, скрывшись, убить холодом. Нил приносит жизнь, но необычно низкий или необычно высокий Нил несет разрушение и смерть»². И о каждом боге, даже самом симпатичном,

¹ Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М., 1984, с. 77.

² Блаватская Е. П. Тайная Доктрина. Т. 2. Рига, 1937, с. 201.

какой-нибудь миф все равно расскажет какую-нибудь гадость. Даже Гор — спаситель Осириса и благодетель людей — однажды отрубает голову своей матери Изиде...

Пантеизм хоть и возвышается над мифами, тем не менее сразу же говорит, что никакой любви в Божестве быть не может. По уверению Блаватской, «Божественная Мысль имеет настолько же мало личного интереса к ним (Высшим Планетарным Духам-Строителям) или же к их творениям, как и Солнце по отношению к подсолнуху и его семенам»¹. Но с точки зрения христианства, даже «теория Ньютона о „всемирном тяготении“ является лишь потускневшим и слабым отражением христианского учения об „узлах любви“, связующих мир»². То, что у Ньютона было просто секуляризацией, у Блаватской становится торжествующим нигилизмом. Верный же христианской интуиции А. Ф. Лосев при описании материалистического мироощущения использует тот же образ, что и Блаватская — но не с восторгом, а с горечью: «Заботится ли солнце о земле? Ни из чего не видно: оно ее „притягивает прямо пропорционально массе и обратно пропорционально квадратам расстояний“»³. Закон гравитации просто действует, и, если гравитационное поле земли притягивает некое яблоко на некую голову — это никак не означает, что земля испытывает какое-то личное, любящее чувство к данному яблоку или к данной голове. Закон гравитации действует не потому, что он решил действовать в данной ситуации, а потому, что он вообще действует всегда и везде, докуда только дотянется, и действует одинаковым образом.

Так и у Закона кармы нет избранников и нет волевых актов: карма просто прядет свое. И у языческого мудреца, познавшего всю силу и безапелляционность Рока, оптимизм христиан, убежденных, что Бог есть Любовь, может вызвать лишь усмешку.

Античный критик христианства Цельс вполне рассудочно обрушивается на религию Завета: «Род христиан и иудеев подобен лягушкам, усевшимся вокруг лужи, или дождевым червям в углу болота, когда они устраивают собрания и спорят между собой о том, кто из них грешнее. Они говорят, что Бог нам все открывает и предвозвещает, что, оставив весь мир и небесное

¹Зеньковский В. В. Основы христианской философии. М., 1992, с. 148.

²Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991, с. 130.

³Теософка — не уничижительный эпитет. Рерихи, для которых вообще было характерно паразитическое нечувствие русского языка, употребляли это словечко (напр.: «Вы, как давняя теософка...» — Рерих Е. И. Письмо В. А. Дукшта-Дукшинской от 27.4.37 // Рерих Е. И., Рерих Н. К., Асеев А. М. «Оккультизм и Йога». Летопись сотрудничества. Т. 2. М., 1996, с. 303), не замечая, что звучит оно скорее обзываетельски.

движение и оставив без внимания эту землю, Он занимается только нами, только к нам посылает Своих вестников и не перестает их посылать и домогаться, чтобы мы всегда были с Ним. (Христиане подобны) червям, которые стали бы говорить, что есть, мол, Бог, от Него мы произошли, им рождены, подобные во всем Богу, нам все подчинено — земля, вода, воздух и звезды, все существует ради нас, все поставлено на службу нам. И вот черви говорят, что теперь, ввиду того, что некоторые среди нас согрешили, придет Бог или Он пошлет Своего Сына, чтобы поразить нечестивых и чтобы мы прочно получили вечную жизнь с Ним» (Ориген. Против Цельса. IV, 23). Цельс прав: если нет Любви в Боге, если Бог не способен к личностному и любящему Бытию, то человек — не более чем плесень на окраинном болоте Вселенной.

И здесь неизбежен выбор: или принять Евангелие, которое возвещает, что Тот, через Которого все «начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Ин. 1, 3), пришел на Землю и стал человеком, или человек и его планета — не более чем свалка кармического мусора. Космос живет сам по себе и даже не знает, что где-то на его окраине страдает и на что-то надеется человек. Этот мир не становится полнее, если в него приходит человек, и он не беднеет, если человек из него уходит. Дважды два всегда равняется четырем. Две галактики плюс две галактики — всегда получалось четыре. Знают об этом земляне или нет — таблице умножения до этого нет никакого дела. Красота мира не создана для человека, не заботится о человеке и потому по сути своей бесчеловечна.

Пантеистам более всего в христианстве непонятна тайна Божественной любви. Когда один из корреспондентов Е. Рерих робко заметил, что Бог есть любовь, а любить может лишь субъект, а не безликий закон — теософка¹ напомнила: «Восток запретил всякое обсуждение Неизреченного, сосредоточив всю силу познания лишь на величественных проявлениях Тайны»². В другом месте она, правда, пояснила, что «божественная любовь» есть не что иное, как силы космической гравитации: «Божественная любовь есть начало притяжения, или тот же Фохат, в его качестве божественной любви, электрической мощи сродства и симпатии»³.

¹ Рерих Е. И. Письма 1929 — 1938. Т. 1. Минск, 1992, с. 439.

² Рерих Е. И. Письма 1929 — 1938. Т. 2. Минск, 1992, с. 12.

³ С существенным, впрочем, добавлением: среди даров, которые Творец предоставил творению, оказывается и дар свободы. Далеко не все богословско-философские школы ислама считают человека свободным, утверждая, что Бог является непосредственной причиной всех событий. Так, Аль-Газали в трактате «Воскрешение наук о вере» соотношение мира и Бога рисует таким: «Солнце, луна и звезды, дождь, облака и земля, все животные и неодушевленные предметы

Христианин же за симфонией мира ощущает именно живую любовь, любящую Личность. Не просто Закон, не просто Разум, не просто «гравитацию» или «космическое электричество», но — Личную и любящую Волю. И поэтому он переживает единство Бога и мира даже еще более живо, чем пантеист. Он не просто, подобно пантеисту, переживает причастие мира Горнему Началу, но он еще знает, как Имя этого Начала, знает, Кому можно вымолвить слово благодарности за этот вечер и за будущий рассвет. Вот право, потерянное пантеистами — они не могут воскликнуть: «Слава Тебе, показавшему нам свет!».

И именно отвергаемая пантеистами формула «Бог есть любовь» поможет понять уникальность места христианства в истории религий. Подойдем к мусульманскому богослову и спросим: можно ли сказать об Аллахе, что Он есть любовь? Наш собеседник на некоторое время задумается. Это естественно, потому что прямой формулы «Бог есть любовь» в Коране нет, а для человека любой веры не так уж просто произнести богословскую формулу, которой нет в том писании, что для него является священным. И все же после некоторого раздумья мусульманский наставник ответит нам: «Да. Конечно, прежде всего Аллах есть воля. Но можно сказать и то, что в Нем есть любовь к людям. Любовь есть одно из 99 святых имен Всевышнего». И я спрошу моего собеседника: а какие дела любви присущи Всевышнему, согласно Корану? В чем проявилась любовь Аллаха к людям и в чем засвидетельствована? — «Он сотворил мир. Он послал людям Своих пророков и дал Свой закон». И тогда я задам мой третий вопрос «Это было тяжело для Него?» — «Нет, мир ничтожно мал по сравнению с могуществом Творца».

Как видим, с точки зрения ислама, Бог лишь издалека возвещает людям Свою волю. Он обращается к людям с такого неизмеримого расстояния, что огонь человеческого страдания и беззакония не опалает Его Лик. Любовь Бога к миру, как она понимается в исламском образе Творца, нежертвенна. Так любят чужих детей: с радостью ловят их улыбки, но не проводят бессонных ночей у их колыбельки...

подчинены другой силе, подобно перу в руке писца. Нельзя верить, что подписавшийся правитель и есть создатель подписи. Истина в том, что настоящий создатель ее — Всевышний. Как сказано Им, Всемогущим, „и не ты бросил, когда бросил, но Аллах бросил“» (Цит. по: Степанянц, М. Т. Философские традиции Индии, Китая и мира Ислама // История философии. Запад-Россия-Восток. Кн. 1. М., 1995, с. 413). Ветхозаветное же утверждение вполне определено: Бог «от начала сотворил человека и оставил его в руке произволения его» (Сир. 15, 14 — 15).

Те же три вопроса мы задаем о ветхозаветном Иегове. И слышим те же ответы¹. И лишь в конце будет сказано: «Иегова любит людей. И при всей Его надмирности Он говорит, что не может быть вполне безмятежен и покоен без человеческой любви... Он не просто дает Закон. Он умоляет людей не забывать Его. Ему трудно с людьми. Он говорит о Себе, что Он — Бог ревнитель. Он вступил в брак с Израилем, и неверность людей болезненна для Него». «Я вспоминаю о дружестве юности твоей, о любви твоей, когда ты была невестою, когда последовала за Мною в пустыню... Какую неправду нашли во Мне отцы ваши, что удалились от Меня и пошли за суетою, и не сказали: „где Господь, который вывел нас из земли Египетской?“ Я ввел вас в землю плодоносную, а вы вошли и осквернили землю Мою. Пастьеры отпали от Меня, и пророки пророчествовали во имя Ваала и ходили во след тех, которые не помогают. Переменил ли какой народ богов своих, хотя они и не боги? Мой народ променял славу свою на то, что не помогает. Два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды. Издавна Я сокрушил ярмо твое, разорвал узы твои, и ты говорил: „не буду служить идолам“, а между тем на всяком высоком холме и под всяким ветвистым деревом ты блудодействовал. Я насадил тебя как благородную лозу, — как же ты превратилась у Меня в дикую отрасль чужой лозы? Ты сказал: „люблю чужих и буду ходить во след их“. Со многими любовниками блудодействовала, — и однако же возвратись ко Мне. Возвратитесь, детиотступники. Возвратитесь, мятежные дети: Я исцелю вашу непокорность» (Иер. 2,2-3, 23).

Читая Ветхий Завет, без преувеличения можно сказать: люди доводят Бога до слез... И все же любовь Бога к людям, как она известна в Ветхом Завете, не сделала Бога человеком.

Где же в мире религий есть представление о том, что любовь Бога к людям столь сильна, что она ввергает Самого Творца в мир людей? Есть много мифов о воплощении богов в мире людей. Но это всегда воплощения неких «вторичных богов», это повести о том, как один из многих небожи-

¹ «Убийство в бою во имя религиозных принципов и убиение животных на жертвенном огне не считаются актами насилия, ибо совершаются во имя религиозных принципов и являются благом для всех. Принесенное в жертву животное сразу же получает жизнь в теле человека, не проходя медленной эволюции от одной формы жизни к другой. Кшатрии же, убитые в бою, как и брахманы, совершающие жертвоприношения, попадают на райские планеты», так толковал Бхагавад-Гиту (текст этой книги датируется V-II веками до Р. Хр.; см. Смирнов Б. Л. Предисловие // Бхагавадгита. Спб., 1994. с. 47) основатель современного кришнаизма «Его Божественная милость» Шрила Прабхупада (Шрила Прабхупада. Бхагавад-гита как она есть. Глава 2. Обзор Бхагавад-гиты. Текст 39).

телей решил прийти к людям, в то время как Божество, почитаемое в данной религиозной системе как источник всякой жизни, так и не перешло за порог собственного всеблаженства. Ни Прометей, умирающий ради людей, ни Гор, чья жертва была столь ценима египтянами, не воплощают в себе Абсолютное Божество. Страдают герои и полубоги. Но подлинно Высший не делает Себя доступным человеческой боли. Где же мы можем найти представление о том, что не один из богов, а Тот, Единственный, вошел в мир людей?

Эта идея есть в кришнаизме, где Кришна понимается как Личный и Единый Бог-Творец. «Верховный Господь» Кришна не просто создал мир и не просто дал откровение. Он лично, непосредственно принес его людям. Он стал человеком. И даже не царем — а слугой, возничим. Но стал ли он человеком вполне и навсегда? — Нет, лишь на время урока он казался человеком. И человеческая плоть, равно как и человеческая душа, не взяты им в Вечность. Ему не было трудно быть человеком, и сам он не испытал ни человеческой боли, ни человеческой смерти... А своего ученика Арджуну он благословил на убийства¹... Он заповедует людям любить его. Но любит ли он сам людей — остается не вполне ясным; в «Бхагавад-Гите» нет ни одной строки о любви к людям.

Итак, высшая богословская формула гласит: «Бог есть любовь». Любить означает вобрать в себя как свои радости и беды любимого. Подлинная любовь стремится отождествить себя с любимым человеком. Здесь поистине «двое в одну плоть да будут» (Быт. 2, 24)². Высшая формула любви определяет: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13).

Такой любви к людям не открывает ни один богословский образ во внеевангельском мире. И мы спрашиваем Бога Евангелия: как Ты любишь людей? И Он отвечает: до Моей смерти... Его любовь не только создала мир. Его любовь не только подарила людям свободу. Его любовь не только дала нам закон. Его любовь не только даровала нам пророков и мудрость. Его любовь не только приняла человеческий лик. Он не казался — Он стал человеком. «Всю тебя, земля родная, в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя» (Ф. Тютчев). И Его любовь к нам пошла до конца, до предельной точки, до полной отдачи Себя, до полного отказа от Себя, до

¹Надо заметить, что в ветхозаветном языке слово плоть не имеет привкуса противопоставленности душе, как в патристическом языке, но означает просто «живое существо».

²Тареев М. М. Христианская философия, ч. 1. Новое богословие. М., 1917, сс. 31 — 32.

жертвы и смерти. «Как будто вышел человек, и вынес, и открыл ковчег, и все до нитки роздал» (Б. Пастернак)...

Этот Бог — есть Любовь; Он не просто любит, Он есть Любовь. Он не просто имеет любовь, не просто проявляется в любви: Он есть Любовь.

Оккультисты скажут: мы признаем великое значение жертвы Христа, мы видим в ней знак и урок Божией любви. Но это заявление не сделает их христианами. Во-первых, карма, которая является высшим принципом оккультной философии, никого не любит. Она просто автоматически действует. Во-вторых, для христиан во Христе «обитает вся полнота Божества телесно» (Кол. 2, 9), а для оккультистов во Христе была всего лишь частичка Божества. В-третьих, для христиан воплощение Бога в человеке, во Христе было свободным и чудесным действием любви. Для оккультистов же Божество просто присутствует в каждом мировом феномене, в том числе и во Христе, равно как и в том копье, которым Христос был пронзен, и в той чаше, в которой Пилат умывал руки. Божество страдало не потому, что хотело вобрать в Себя опыт человеческой боли, а потому, что Ему некуда было уйти. Бога вне мира с точки зрения оккультистов нет, и поэтому, разламывая любой камень — разламывают кусочек божества, которое в общем-то вовсе не соглашалось (ему «нечем» соглашаться, в нем нет Личности) ни на какие страдания.

Оккультисты готовы почтить страдания Христа, но для них Он не более чем «планетарный Логос», сошедший с не слишком высокой ступени «Космической Иерархии». Но это значит, что о Боге и нельзя сказать, что именно Он есть любовь: на Голгофе умер ведь не Бог, а более низший чин... И, значит, по настоящему в Божестве нет любви — она проявляет себя лишь на более низких, более земных и человеческих «планах бытия».

Дерзость евангельского возвещения раскрывается вполне, лишь если брать его целиком, а не кусочками: если понять, что христианство строится именно на возвещении, что Сам Бог, Тот, выше Кого нет никакого бытия, воплотился в распятом Сыне Марии. Большая любовь Бога к людям не может быть явлена (ибо «карма» или «Фохат» и не подумают взойти на крест ради людей, и "знаки Зодиака» не станут менять привычной колеи ради помощи людям). Поэтому от Голгофы путь может быть только вниз: любой возвеститель какой-то религиозной «новинки» после Христа, если его проповедь берется «расширять» или «обновлять» Евангелие, делает шаг вниз, в тот магизм и в то законничество, от которых Евангелие освободило людей.

Так с Северного полюса любой шаг ведет в одном направлении: к югу. Так с вершины Эвереста шаг в любом направлении означает уже спуск.

Категории «современное», «устаревшее», «средневековое», «прогрессивное», «отсталое» здесь просто неуместны. Здесь иная, надвременная и вневременная шкала ценностей. Любовь не устаревает. Время, согласно Новому Завету, прекратится (Откр. 10, 6); любовь же останется даже после исчезновения времени. Любовь переживет даже надежду (1 Кор. 13,8-14) — ибо надежда мыслима только при чередовании настоящего и будущего. И, значит, течение времен не властно над Евангелием любви. Среди тех реалий, которые никогда не смогут отлучить христианина от любви Божией, явленной во Христе, апостол Павел называет не только темницы и гонения, но и реку времени («ни настоящее, ни будущее...» — РИМА. 8, 38). Поток времени не сможет истончить, стереть Завет любви, заключенный Христом. И это потому, что не люди заключили этот завет, не люди нашли Христа, а Бог нашел людей, и Бог создал этот завет с нами. Созданное людьми может устареть. Основанное даже не на учении, а на самой жизни, смерти и воскресении Господа — устареть не сможет.

Все разговоры о «третьем Завете», об «эпохе Духа» и «эре Водолея» не учитывают одного библейского обстоятельства: мы живем в «последнее время». Оно последнее не в том смысле, что не сегодня-завтра настанет конец света. До конца истории могут быть еще тысячи и тысячи лет, и все-таки наше время все равно — последнее. Оно «последнее» уже две тысячи лет. Самое главное уже произошло. Бог уже стал человеком, и Он не намеревается «развоплощаться». Те, кто собираются превзойти «последнее время» христианства в «Новой Эпохе», на деле опустили в маету «предпоследних», доновозаветных эпох.

Есть нечто в мире, что Бог улучшить не может. А люди — могут. Этой загадочной реальностью является христианская религия. Бог совершил уже даже самое немислимое ради нас, людей. Он переступил порог Своей вечности и вошел в поток времени. Он, Своею рукою создавший человека, согласился претерпеть пощечины от человеческих рук. Тот, кто облачает землю облаками, Сам был облачен в одежду поругания... Своею любовью Самого Себя Он дал нам. Не от Бога мы должны ждать новых, «улучшенных» откровений, а от своей жизни требовать большей полноты жизни в соответствии с вечным Евангелием Любви. Как справедливо написал еще М. Тареев, «толки о развитии или совершенствовании христианства удручающе нелепы: Евангелие никогда не может быть превзойдено. Идея третьего завета таит в себе, как идея бесконечного прогресса, отрицание всякого смысла

истории, непроглядную бессмысленность мирового процесса. Прогресс несомненно существует, но он образует верхнее, поверхностное течение в мировой истории, ниже которого совершается обратное течение... Дух Святой уже ничего нового не прибавляет к делу Христа: Он лишь повторяет Его дело в человеке. Прибавить к христианству может лишь человек — не в смысле совершенствования христианства, а в смысле повторения или перерешения христианской задачи человеком для себя. Христианство носит в себе ограниченность не в том смысле, что возможна более совершенная религия, а в том смысле, что оно слишком возвышенно, чтобы сказать последнее слово, которое остается за человеком именно потому, что он увенчан славою и честью. Христианство есть половина жизни, правда, половина абсолютная, но все же предполагающая другую, относительную половину, которую совмещает с христианством человек»¹.

Значит, нужно не вклеивать в Евангелие новые странички, не ожидать иного голоса с небес и не разучивать новую технику медитации. А надо взять в руки полузабытое Евангелие, и раскрыть его с вопросом: «Что Ты, Господи, хочешь сказать мне? Твое вечное Слово да сообщит мне, в чем мой сегодняшней долг, какими должны быть моя вера, моя надежда и моя любовь!».

¹ св. Григорий Нисский. Против Евномия. 6,3. // Творения. Ч. 6.-М., 1863, с. 52.

Если правы «Свидетели Иеговы»

Почти все уже встречали у порога своей квартиры или на улице группки людей, распространяющих журналы «Сторожевая башня» и «Пробудись» вместе с книжками типа «Ты можешь жить вечно в раю на земле». Это люди из секты «Свидетелей Иеговы». На примере этой навязчиво известной секты хорошо заметно, как легко, занявшись перетолкованием христианства, незаметно убить самую его душу. Они называют себя христианами и признают Новый Завет, но при этом отрицают Троицу и полагают, что Христос — пророк, но никак не Бог.

Я не буду сейчас разбирать их аргументацию. Я просто попробую согласиться с ними и признать, что Христос — не Бог. Христос — учитель, пророк, проповедник. Но — не Бог.

Такими глазами смотрят на Него очень и очень многие люди, не имеющие вообще никакого отношения к «Свидетелям Иеговы». Я бы даже сказал, что вообще — это обыденная и естественная точка зрения. Чтобы признать во Христе Бога — нужен подвиг веры. А чтобы увидеть в Нем просто философствующего галилейского странника, никакого усилия, никакой особенной зоркости духовного взгляда не нужно; такое восприятие вполне рассудочно и обыденно.

Но можно ли принять Евангелие, если не принимать Божественность Христа? Если прочитать Евангелие глазами человека религиозного, но не верящего в Троицу — что откроется на страницах христианского Писания?

Если «Свидетели Иеговы» правы, то нет более мерзкой религии, чем религия Евангелия. Ведь христианство говорит: «Бог есть любовь». А тот, кто умер на Голгофе, оказывается, отнюдь не есть Бог. Что же получается? Если Христос не был Богом, то тот Небесный «Отец», которого Иисус умоляет пронести мимо него чашу страданий, оказывается не лучше тов. Жданова, который призывал ленинградцев мужественно переносить тяготы блокады и терпеливо воспринимать уменьшение карточных выдач — но сам не испытывал ни холода, ни голода. Станный Бог, который требует, чтобы Его именовали любовью, но сам не приемлет высшее служение любви, поручая его другому — Христу.

Если Бог сам не страдал на Голгофе — почему и за что мы должны благодарить именно Его при виде распятия сына Марии? Бог Ветхого Завета

та говорит: «Славы Моей не дам никому». А не похитил ли Он сам чужую славу? Не присвоил ли Он Себе ту человеческую благодарность, которую мы должны были бы принести к гробнице галилейского проповедника?

Кому я должен быть благодарен более? Командующему, который из безопасности своего КП дал разрешение на воинскую операцию, или конкретному солдату, который, рискуя своей жизнью, вырвал меня из рук террористов?

По утверждению Писания, «Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас» (РИМА. 5, 8). Но если Христос не Бог, то как смерть другого может доказать Божью любовь? Предположим, в нашем доме Иван, живущий на третьем этаже, умер, спасая Алексея со второго этажа. Доказывает ли жертвенная смерть Ивана, что Александр с пятого этажа проявил через нее свою любовь к Алексею?

Евангелие учит, что нет большей любви, как положить жизнь свою за ближних своих. Но Бог, дающий эту заповедь, сам, по мнению «Свидетелей Иеговы», поступает иначе. Не свою жизнь Он жертвует ради людей, а жизнь самих же людей, лучшего из людей ради прощения худших. Чужим страданием Бог омывает чужие грехи. Взирая на смерть Христа, Бог решает изменить свое гневное отношение к людям. Кровь Христа застилает Ему глаза так, что Он уже не видит иных беззаконий и все прощает. Бог проливает чужую кровь, чтобы изменить Свое отношение к людям.

Если Христос — не Бог, а всего лишь «учитель» или «пророк», в таком случае для Бога Иисус не более чем жертвенное животное, чью кровь люди должны почему-то пролить для того, чтобы вызвать милостивое отношение к себе у Того, перед чьим Всевидящим оком была пролита кровь жертвенного агнца. Если Христос — не Бог, то нет в мире книги, более оскорбляющей нравственное чувство. Люди долго и со вкусом грешили — и Бог на них сердился. Наконец, люди совершили самое гнусное, что они могли делать — они убили единственного светлого Человека на земле. И в ответ на это преступление апостолы Христа почему-то заявили, что после убийства Христа Бог больше на людей не гневается, что наши грехи омыты кровью Иисуса...

Для иеговистов Христос не более, чем некое существо, страдающее за чужие грехи и используемое двумя другими сторонами, чтобы выяснить их отношения между собой. Бог гневается на людей за то, что люди нарушили Его заповеди. Люди Ветхого Завета убивают животное — и Бог умиляется. Получается, что и в Новом завете Богу, чтобы изменить свое отно-

шение к людям, нужно позволить людям убить какого-то воплощенного ангела.

Бог «Свидетелей Иеговы» возложил крест на плечи творения. Бог христиан, верящих в Троицу, Сам взял крест на свои собственные плечи.

Если Христос умер за нас, если Христос проявил ту любовь, больше которой не может быть, и если при этом Христос не был Богом — то одно из двух. Или христианин, то есть тот, кто действительно полюбил Христа, должен стать атеистом: он почитает Христа, любовь которого он видел и познал, но и знать ничего не желает о Боге, который свою собственную любовь к людям не проявил ничем. Или же он должен почитать Бога именно за то, что тот разрешил убить лучшего из людей...

Если за меня умер Христос — почему я должен за это любить Бога? Если Христос не Бог, за что же благодарить Бога? От смерти нас избавил Христос, Бог же всего лишь дал Ему разрешение действовать по любви. Не Отца мы должны благодарить, а только Христа. И спасены мы тварью, не Творцом. Итак, по логике «Свидетелей Иеговы», Христос Своим подвигом поставил под угрозу самую суть монотеизма. Он настолько запечатлелся в памяти людей, что затмил Собой Иегову. И только естественно, что имя Иеговы было забыто спасенными людьми. Бог это не мог не предвидеть. Зачем же Он предложил такой способ избавления людей, что неизбежно привел людей к почитанию не-Бога, то есть — во власть язычества? Бог всегда так старательно заботился, чтобы Израиль не стал слишком почитать своих героев и учителей (гробница Моисея была сокрыта от народа) и свои святыни (уничтожение медного змия). И вдруг — такая ошибка...

Если «Свидетели Иеговы» правы, то я могу их поздравить с поразительным открытием: оказывается, одним из самых первых атеистов в мире был... апостол Павел. Именно он однажды сказал: «Я рассудил быть незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого» (1 Кор. 2, 2). Если Христос — не Бог, то Павел, сказавший, что он не желает знать ничего и никого, кроме Христа, тем самым заявил и о том, что он не желает знать и Бога. Христос затмил Своим Крестом Небо. В таком случае Христос не открыл Отца, а спрятал за Собою.

Если не признать во Христе «великую благочестия тайну: Бог явился во плоти» (1 Тим. 3, 16), то апостольская проповедь Христа оказывается утонченной атеистической пропагандой. Ведь апостолы проповедуют, что «нет ни в ком другом спасения» (Деян. 4, II). Если Христос — не Бог, а только «посланник», «учитель», только человек, если Сын и Отец не одно и

то же, то перед нами проповедь атеизма. Бог не спасет и не спасает. Спасение только в человеке Иисусе. Но апостолы явно не атеисты. Они верят в Творца. И они прекрасно понимают, что «человек не даст выкуп за душу свою» (Мф. 16, 26). Если спасение в Боге и спасение только во Христе — эти два исповедания веры можно совместить только с помощью учения о Троице.

И только в одном случае мы можем вновь с религиозным и с нравственным благоговением отнестись к повествованию Нового Завета: если в изможденном лице Голгофского страдальца узнаем Того, Кто некогда Сам создал все мироздание.

Поэтому самая суть монотеистической религии требует признать Троицу, требует узнать в Распятом Христе — Вечного Сына, Истинного Бога. И к «Свидетелям Иеговы» относится тот же упрек, который еще в IV веке сделал св. Григорий Нисский арианам, также отрицавшим Божественность Христа: «Почему ты лишаешь благодарности за наше спасение Отца, совершившего освобождение людей от смерти силою Своею, которая есть Христос?»¹.

¹ Рацингер Й. Введение в христианство. — Брюссель, 1988, сс. 54, 55.

Можно ли спастись вне церкви?

Почему православные так убеждены, что вне Церкви нет спасения? Это что — дурная черта характера? Наследие советской идеологической нетерпимости? Пережиток более давнего «средневекового» склада мыслей и чувств? В какой мере явное и скандальное дистанцирование православных от других религий является особенностью современного поколения православных христиан, то есть тем, что зависит от нас самих, от нашего настроения, от нашего воспитания, а в какой — это всевековая норма православного мироощущения? Вырастает ли православный изоляционизм из желания (греховного, с точки зрения светской морали) части пастырей и современных мирян, или же он вырастает из самой сердцевины Библии и православной традиции?

Христиане — не хозяева своей Церкви и своей веры. Уже об апостолах сказано: «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал». Христиане не владеют никакой истиной. Если бы мы были гностиками или оккультистами, которые своими усилиями и своей аскезой создают свои космогонические системы, мы могли бы сказать о себе, что мы нашли знание и мы овладели им. Но в том-то и дело, что не мы нашли — мы были найдены. Истина вторглась в жизнь апостолов и сказала: не идите против рожна (Деян. 9, 5). Верующий человек не «владеет истиной» — он служит Ей. А значит, даже при всем желании быть «открытыми» и «современными», мы просто не можем выдумывать себе нового Христа.

Вхождение в Церковь есть вступление в конкретную, живую общину, которой Христос сообщил не расплывчатый набор загадок-коанов, но нечто вполне определенное. «Вера — не результат одинокого умствования, в котором свободное от всяких связей Я что-то выдумывает для себя в поисках истины... И если вера не есть то, что выдумывается мною, то слово ее не отдано мне на произвол и не может быть заменено на другое»¹.

В Евангелии есть много такого, что мне лично совсем не нравится. Например, в нем говорится «блаженны нищие духом», хотя меня больше утешило бы, если бы там было сказано «блаженны профессора богословия».

¹ «Спасшись один раз, верующий остается спасенным навсегда» (Наша Декларация Веры, 6д). Согласиться с «Семьей» мне мешает такое, например, предупреждение ап. Павла: «Мы сделали причастниками Христу, если только начатую жизнь твердо сохраним до конца» (Евр. 3, 14).

Еще мне очень хотелось бы, чтобы в Евангелии не было притчи о десяти девах. Смысл этой притчи ясен: можно со всем жаром сердца откликнуться на зов Жениха, можно стать христианином и при этом в итоге разминуться с Христом — если в светильнике твоей души, в твоей жизни масло ревности по Богу выгорело слишком быстро, если молитвенное горение первых времен жизни со Христом ты затем незаметно растерял и к концу своей жизни стал обычным теплохладным обывателем, который словами говорит о Христе, но никого не греет своими делами. Мне больше была бы по сердцу та концепция, которая есть в секте «Семья» (ранее носившей имя «Дет Бога» и стяжавшей скандальную известность тем, что среди средств проповеди Евангелия она практиковала проституцию, в том числе и детскую, именуя ее «пастырством флиртующей рыбки»): если ты однажды уверовал во Христа, то потом никакие грехи не смогут лишить тебя Царствия Небесного, ты просто уже обречен на спасение¹.

Еще мне хотелось бы разделить одну доктрину из секты Виссариона («Община Единой Веры»). У них есть очень симпатичная теория о том, что человек живет на земле 7 раз. Когда я спросил Виссариона (он объявил себя Христом Второго Пришествия), что именно нового он хочет возвестить людям, «молвил Сын Человеческий кандидату богословия»², что цель Пришествия — возвестить истину о том, что живем мы только 7 раз. В самом деле: традиционное христианство считает, что человек обретает ту или иную вечность по итогам одной своей жизни («Человекам положено однажды умереть, а потом Суд» — Евр. 9, 27). Восточные религии говорят о миллионах перевоплощений. Традиционный христианский вариант слишком требователен и ответственен. Восточный — слишком утомителен. А вот семь попыток — это в самый раз.

Хотелось бы мне многое переиначить в Евангелии... Но не могу — потому что негоже христианину цензурировать Евангелие. Если мы «куплены в послушание Христово», то надо не приспособливать Слово Божие под наши желания и наш уровень понимания, а самим постараться понять: что и

¹ Последний Завет. Повествование от Вадима, ч. 5. гл. 17. В этой главе «евангелия о Виссарионе» описывается наша встреча. Этот эпизод, впрочем, туда не вошел, равно как и те части беседы, из которых следовало, что концепция Виссариона (бывшего участкового милиционера из Минусинска) носит вполне оккультный характер.

² И. Гордон, член директората раввинских судов Израиля, пишет так: «Мы, евреи, и есть мозг, голова мира, его совесть и рассудок... Душа еврея похожа на тлеющий уголек — стоит подуть на него, как он ярко вспыхнет. И это не просто метафора — мы ведь уже говорили, что душа еврея содержит искры божественного света... Приложив усилия, еврей может достигнуть более высокого духовного уровня, чем не еврей».

зачем возвещает нам Писание. Можно возмутиться тем, что Татьяна Ларина отвергла Онегина. Но если мы хотим понять Пушкина, а не просто высказать свою точку зрения на жизнь вообще и на «свободную любовь» в частности, плодотворнее было бы задуматься над тем, почему все-таки Пушкин выбрал именно такую концовку... Если мы хотим понять самое важное в Евангелии — а именно понять, зачем Бог стал человеком и почему Он не ограничился проповедями и беседами, но еще и умер и воскрес, — то надо как минимум внимательно вчитаться в Писание. А то или иное свое желание, ту или иную модную мысль надо бы сверить с Писанием.

Итак, христианское убеждение в том, что нет спасения вне Христа — есть ли это плод человеческой нетерпимости и ограниченности, или это неизбежный и логический вывод из того откровения, что запечатлено в Писании?

Через всю Библию проходят обличения язычества. Что такое язычество? Языческий — значит народный. Язычество — религия «языков», народов. Это плод человеческого религиозного творчества. Христианское богословие признает те механизмы мифотворчества, которые описывает современное научное религиоведение, философия и психология религии. Мы только говорим: эти человеческие механизмы действуют вполне и исчерпывающе в языческих религиях, но они недостаточны для объяснения христианства. Помимо механизмов «архетипов», «проекции», «сублимации», «вытеснения» и т. п. для объяснения христианства нужен еще как минимум сам Христос. Может быть, поражение Спартака и в самом деле облегчило победу Христа. Но для этой победы все-таки необходим был Сам Христос.

С точки зрения библейского богословия, язычество — это плод религиозных исканий людей, а Завет — это результат того, что Бог Сам открыл Себя людям. О других религиях можно сказать, что в них люди ищут Бога. В Библии же рассказывается история о том, как Бог искал людей. Одна из первых зарисовок Библии — Адам, прячущийся от Бога под кустом (Быт. 3, 8); ключевой же эпизод — «Достигло до вас Царство Небесное»: люди все-таки оказались достигнуты Радостью; Евангелие догнало их... Библейская религия не есть религия Израиля. Это не есть некая система верований, выработанная еврейским народом в древности. Библия навязана Израилю, а не создана им.

Моисей почти силой уводит свой народ из Египта, и цель его 40-летнего странствия — смерть его же собственного народа... Те, кто родились в рабстве, те, кто слишком пропитан египетским магизмом и язычеством, не могут войти в Святую Землю. И сам Моисей лишь издалека видит ее, но не

прикасается к Обетованной Земле. Эти 40 лет — непрерывная череда бунтов Израиля против Моисея и его Бога. Затем Судьи и Пророки вступают в борьбу с языческими влечениями своего народа. Изготовление идолов и спиритизм, магия и астрология, увлечение языческими доктринами и практиками соседних племен — вот то, к чему при малейшем попущении уклоняется народ и откуда его вновь и вновь оттаскивают посланные Богом фанатики. Пророки и Судьи и силой Божьей и мечом убивают бунтовщиков; бунтари (выражающие народные чаяния, то есть мечту о магии, приносящей богатство) убивают и изгоняют пророков... «Иные же замучены были, не приняв освобождения; другие испытали поругания, а также узы и темницу; были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке; умирали от меча; скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления. Те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням, по пещерам и ущельям земли» (Евр. II, 35-38).

И за этими людьми стоял Бог, в глазах Которого Израиль подобен подкидышу. «При рождении твоем пупа твоего не отрезали, и водою ты не была омыта, и пеленами не повита. Ничей глаз не сжалился над тобою, но ты выброшена была на поле, по презрению к жизни твоей, в день рождения твоего. И проходил Я мимо тебя, и увидел тебя, брошенную на попрание в кровях твоих, и сказал тебе: „живи!“ Ты выросла и стала большая. И проходил Я мимо тебя, и увидел тебя, и вот, это было время твое, время любви; и простер Я воскрилия риз Моих на тебя, и покрыл наготу твою, и ты стала Моею. Омыл Я тебя водою и смыл с тебя кровь твою и помазал тебя елеем. И нарядил тебя в наряды. Украшалась ты золотом и серебром и была чрезвычайно красива. Но ты понадеялась на красоту твою, и, пользуясь славой твоею, стала блудить и расточала блудодейство твое на всякого мимоходящего, отдаваясь ему. Позорила красоту твою и раскидывала ноги твои для всякого мимоходящего. Как истомлено должно быть сердце твое, когда ты все это делала, как необузданная блудница! Всем блудницам дают подарки, а ты сама давала подарки всем любовникам твоим и подкупала их. Посему выслушай, блудница, слово Господне! Я соберу всех любовников твоих и предам тебя в руки их и они разорят блудилища твои и разрубят тебя мечами своими. Я поступлю с тобою, как поступила ты, презрев клятву нарушением союза. Но Я вспомню союз Мой с тобою, и восстановлю с тобою вечный союз. И ты вспомнишь о путях твоих, и будет стыдно тебе. Я прошу тебе все, что ты делала. Я не хочу смерти умирающего, но обратитесь, и живите!» (Иез. 16,4 — 18, 32).

Можно вспомнить и слова Христа, обращенные к Израилю: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется дом ваш пуст» (Мф. 23, 37).

Итак, религия Завета навязывается Израилю, а не творится им. И когда Израиль не принял Новый Завет, и остался в пустом доме, когда «старшие ушли» (ушли пророки, и ушла Благодать Божия) — он наконец вполне предался желаниям своего сердца и создал себе ту религию, которую мешали ему сотворить Пророки. Он создал религию самообожествления¹. Он создал Каббалу. Все то, что было запрещено Ветхим Заветом, есть в Каббале — магия и оккультизм, астрология и отрицание Единого Личного Бога-Творца². Даже языческая доктрина переселения душ в опустевшем доме Израиля прописалась одна из первых.

Пока же Промысл Божий хранил и направлял религиозную жизнь Израиля, она была полна странностей. Что человек, впервые прикасаясь к духовному миру, прежде всего норовит заняться магией — в этом нет ничего странного. «Побыстрее, покрупнее и подешевле» — с этими привычными базарными требованиями он переступает границу мира духов. С точки зре-

¹Приведу только одну выписку, из которой для любого человека, имеющего духовный вкус и читавшего Библию, станет понятна противоположность древнего и современного «эзотерического» иудаизма: "Так мы учили. В час, когда вышний могучий Змей бывает разбужен грехами мира, и соединяется с женщиной, и вводит в нее скверну, — тогда Мужчина отделяется от нее из-за того, что нечиста она и зовется нечистой. И нельзя Мужчине приближаться к ней: горе, если он осквернится ею в то время, когда она нечиста!.. 24 вида нечистоты ввел Змей в Женское, когда соединился с ним, в соответствии с численным значением вражды. 24 вида пробудились сверху и 24 — снизу. И отросли волосы, и увеличились ногти, и тогда суды пробудились во всем. И преподано. Когда женщина хочет очиститься, должна она срезать все волосы, которые отросли в дни ее нечистоты и остричь ногти вместе со всей грязью, которая в них. Ибо преподано в тайнах нечистоты. Скверна, которая в ногтях, пробуждает иную скверну. И поэтому их следует надежно укрыть. Ибо учили мы, что 1455 видов зла держится за ту скверну, которую ввел могучий Змей, и все они пробуждаются от скверны ногтей. И используя то, что связано с ними, всякий, кто захочет, может наводить порчу на сынов человеческих. И тот, кто уничтожает их, тот как бы увеличивает Милость во вселенной... Если остатки от остатков высшей нечистоты таковы, то тем более — женщина, сочетавшаяся со Змеем и получившая от него скверну, которую он ввел в нее. Горе вселенной, воспринявшей от нее эту скверну! Поэтому: «И к жене во время истечения нечистоты ее не приближайся» (Тайна нечистоты // Раби Шимон. Фрагменты из книги Зогар, — М., 1994, сс. 163 — 164).

²«Замечательно, что евреи, народ монотеизма, не имеют в своем языке слова для обозначения богини» (Трубецкой С. Н. Мнимое язычество или ложное христианство? // Собрание сочинений кн. С. Н. Трубецкого. Т. 1. Публицистические статьи 1896 — 1905 гг. — М., 1907, с. 164).

ния истории религии, странно было существование религии Древнего Израиля — религии без «божественных браков»¹, без мифов о происхождении созвездий и планет, религии без поклонения звездам и духам, религии без культа предков; религии без богини богатства и без поклонения божеству смерти...

Чтобы заметить необычность религии, данной Древнему Израилю, достаточно заметить две ее странности — необычность ее космологии и ее татологии (учения о смерти).

В обычной религиозной картине мира космос трехчастен: есть мир небесный (мир богов и блаженства), есть мир подземный (преисподнее царство смерти и зла), и есть средний мир людей. Трехчленное деление мира описывается и на первой странице Библии. Но с одной неожиданной деталью: мир состоит из: 1) вод, которые выше небес; 2) небес и 3) поднебесного круга. Здесь нет подземья. Позднее Библия скажет: «Бог смерти не сотворил». На первой странице Писания видно одно: Бог не творил преисподнюю.

А затем при вчитывании в Писание замечаешь, что мир зла, мир тех духов, что не слишком симпатизируют человеку, Библией помещается не под землей, а над землей. Земля — заблокированная планета, она окружена поясом враждебных человеку духовных стихий, через которых наднебесный Творец должен пробиваться к людям.

В десятой главе книги пророка Даниила Ангел, которого он молил о помощи, смог прийти к нему только три недели спустя после обращения пророка. Причину же своей задержки ангел «великой силы» (Дан. 10, 1) объяснил так: «С первого дня, как ты расположил сердце твое, чтобы достигнуть разумения и смирить тебя пред Богом твоим, слова твои услышаны, и я пришел бы по словам твоим. Но князь царства Персидского стоял против меня двадцать один день; но вот, Михаил, один из первых князей, пришел помочь мне. А теперь я пришел возвестить тебе...» (Дан, 10.12 — 13). Итак, Господень вестник не может беспрепятственно проникнуть в мир людей. Некие духи, обратившие на себя религиозный энтузиазм язычников (в данном случае — персов), оказывают реальное сопротивление благодати. И лишь с помощью архангела Михаила (который в церковном предании не случайно называется «архистратигом — военачальником — небесных сил») блокаду удалось разомкнуть — и то лишь на время. «Теперь я возвращусь, чтобы бо-

¹ св. Афанасий Великий. Житие преподобного отца нашего Антония. 22 // св. Афанасий Великий. Творения. Т. 3. Троице-Сергиева Лавра, 1903, с. 236.

роться с князем Персидским; а когда я выйду, то вот, придет князь Греции» (Дан. 10, 20).

Здесь демоны именуется по имени тех языческих народов, которые им служат. Но живут они не на земле этих народов и не под нею. С точки зрения обыденного мифологического мышления, место обитания демонов — это подземелье, подземье. Народное представление помещает ад под землей, там, где кипит магма. Но в Библии речь, скорее, идет о том, что «духи злобы» обитают в небесном мире. Они так и называются — «духи злобы поднебесной» (Еф. 6, 12), а отнюдь не «подземной». Для библейских авторов богоборческие духи — это некие космические существа, обитатели именно небесных, а отнюдь не подземных сфер. Оказывается, тот мир, который люди привыкли называть «видимым небом», отнюдь не безопасен, он стремится подчинить себе человеческое сердце...

Небеса скрывают от человека Бога — и эту блокаду надо прорвать. «О, если бы Ты расторг небеса и сошел!» — восклицает ветхозаветный пророк Исайя (Ис. 64, 1). Еще одна древняя библейская книга обличает иудеев за то, что они «оставили все заповеди Господа и поклонялись всему воинству небесному» (4 Цар. 17, 16). Уже в Пятикнижии уникальность религиозного опыта Израиля описывается так: «Воинство небесное Господь, Бог твой, уделил всем народам под всем небом. А вас взял Господь Бог, дабы вы были народом Его удела» (Втор. 4, 19 — 20). Пророк Исайя предвидит день Гнева, день падения «космических иерархий»: «Истлеет все небесное воинство; и небеса свернутся, как свиток книжный; и все воинство их падет, как спадает лист с виноградной лозы, и как увядший лист — со смоковницы, Ибо упился меч Мой на небесах» (Ис. 34, 4 — 5).

Настает время Нового Завета — и оно оказывается отнюдь не временем примирения Бога и космических духов. Оно оказывается временем их решающей битвы. При религиозном, а не моралистическом чтении Нового Завета нельзя не заметить, что Христос — воин, и Он прямо говорит, что Он ведет войну против врага, которого называет «князь мира сего» (Ин. 12, 31). В этих Его словах есть одна деталь, которую не замечают люди, если не обращаются к греческому тексту Нового Завета. «Князь мира» — это перевод греческого словосочетания.

У апостола Павла есть характерные слова: «наша брань не против плоти и крови, но против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6, 12). «Мироправители» здесь —. На современный жаргон; вполне можно перевести как «Владыка Космоса».

Не сам по себе мир плох. Нет, сам создан Богом, создан тем самым Логосом, который воплотился во Христе. Но после того, как «в начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1, 1), в небесном мире произошел некий надлом. И часть ангельских сил с тех пор притязает на самостоятельную, безбожную власть над человеком и его миром. Преп. Антоний Великий так говорит о происхождении язычества: «Итак, во-первых, знаем, что демоны называются так не потому, что такими сотворены. Бог не творил ничего злого. Напротив того, и они созданы добрыми; но, ниспав с высоты небесной и вращаясь уже около земли, язычников обольщали видениями»¹.

Все послания Павла единогласно говорят о Кресте как о победе Христа над некими «космическими властями», «князем власти воздушной» (Ефес. 2, 2; церковно-славянский перевод). Против них сразился Христос — «отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою» (Кол. 2, 15)².

Теперь же, после воплощения Бога в поднебесном мире, человек может вступить в общение с бытием Наднебесным: «Как безмерно величие могущества Его в нас, верующих по действию державной силы Его, которою Он воздействовал во Христе, воскресив Его из мертвых и посадив Его одесную Себя на небесах, превыше всякого начальства, и власти, и силы, и господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем, и все покорил под ноги Его, и поставил Его выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его» (Ефес. 1, 19 — 23).

По пояснению преп. Максима Исповедника, Крест упразднил «враждебные силы, наполняющие среднее место между небом и землей»³. Более того, выбор именно крестной казни, то есть такой, которая происходит не на земле, а в воздухе, в домостроительном Промысле оказывается связан с необходимостью освятить «воздушное пространство» — то есть то пространство, которое и отделяет людей от Того, Кто «превыше небес». Голгофский Крест — это тоннель, пробитый сквозь толщу демонических сил, кото-

¹ После всего сказанного понятно, что для христианина визитная карточка того духа, что общается с Рерихами — «Владыка Космоса» — выглядит весьма недвусмысленно. И если человек помнит эти новозаветные свидетельства о «князе власти воздушной» и о духах, которые желают различить Христа и человека, он не может не обратить внимания на такое, например, заявление Николая Рериха: «Множество населяющих межпланетные пространства подтвердят охотно мощь мысленного сотрудничества» (Рерих Н. К. Сожжение тьмы. Привет молодым. // Рерих Н. К. Душа народов, — М., 1995, с. 101).

² преп. Максим Исповедник. Творения. Ч. 1, — М., 1993, с. 187.

³ св. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 2. кн. 1, — СПб., 1896, с. 438.

рые норовят представить себя человеку как последнюю религиозную реальность. Так во всяком случае, об этом свидетельствует св. Иоанн Златоуст: «Почему же закапается Он на высоте помоста, а не под кровом? Чтобы очистить воздушное естество»¹.

И вот после Пятидесятницы первомученик Стефан видит небеса отверстые, через которые зрим «Иисус, стоящий одесную Бога» (Деян. 7,56). Спаситель, которого узрел мученик Стефан, совершил борение, итог которого ап. Павел видит в том, что отныне христиане имеют «Первосвященника великого, прошедшего небеса, Иисуса Сына Божия» (Евр. 4, 14).

Ничто не должно разлучать человека с Богом — «Ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8, 38 — 39). Истинная религия — это не контакт с духами космоса. Религия — связь человека с Богом. С тем, кто изначально создал космос и человека, а не с чем-либо появившимся в космических пространствах. Св. Иоанн Златоуст сравнивает небо с завесой иерусалимского храма². Что ж, язычники — это люди, которые запутались в занавеске и преждевременно пали на колени, не дойдя до подлинной Святыни.

Все народы земли пошли путем общения с «космическими духами», и потому «главную мысль большей части Ветхого Завета можно было бы назвать одиночеством Божьим»³. «Я топтал точило один, и из народов никого не было со Мною» (Ис. 63, 3). Тогда Бог создал Себе новый народ для того, чтобы хотя бы его защитить от поклонения «богине неба» (Иер. 44, 17)⁴.

И это не потому, что Богу хотелось разорвать кольцо своего одиночества. Просто люди умирали в этой блокаде: ведь они были окружены тем, о ком сказано, что он «человекоубийца от начала» (Ин. 8, 44).

У человека нет источника вечной жизни внутри него самого. «Человек сотворен по природе ни смертным, ни бессмертным. Ибо если бы Бог сотворил его вначале бессмертным, то сделал бы его Богом, если же, наоборот, со-

¹ св. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 2. кн. 1,— СПб., 1896, с. 392.

² 12. Честертон Г. К. Книга Иова // Избранные произведения в 5 томах. Т. 5,-М., 1995, с. 174.

³ Буквально здесь стоит «царица неба» — у Иеремии речь идет о поклонении Луне (Астарте, Юноне...) как божеству.

⁴ Ветхозаветное восприятие смерти излагается в главе «Представление о смерти на Древнем Востоке» в моей книге «Раннее христианство и переселение душ» (М., Гнозис, 1996).

творил бы его смертным, то Сам оказался бы виновником его смерти. И так, Он сотворил его способным и к тому и другому» (свят. Феофил Антиохийский. К Автолику. 2, 27). Сам по себе человек не имеет ни необходимости умереть, ни полноты, необходимой для бессмертия. Он обладает лишь некоей потенцией: к чему «прислонит» он свое бытие — таким и станет.

Человек может дышать Богом — и тогда он становится бессмертным. Но если человек замкнут в себе самом и в мире невечных творений — он умирает. Человек, каким видит его православие, похож на водолаза, который получает воздух по шлангу с корабля. И вот этот водолаз неосторожным движением защемил шланг и задыхается. Бесполезно ему сверху кричать, ругать или, напротив, ласково сообщать о том, что капитан не сердится на него за испорченное имущество. Нужно, чтобы кто-то другой прыгнул сверху и доставил новый шланг с живительным воздухом и дал вдохнуть неудачнику. И плач людей Ветхого Завета к Богу — о том, что «нет между нами посредника» (Иов. 9, 33). Некому донести до тонущего человека Горнее Дыхание.

Начало человеческой истории было озарено космической катастрофой. Через грех в мир вошла смерть. Можно сказать, что в мире взорвался Чернобыль. Суть не в том, что Бог злится на нас и наказывает поколение за поколение за проступок Адама. Просто мы сами сотворили смерть. Мы — виновники тому, что весь мир, весь космос стал подчиняться законам распада и тления. Бог, напротив, ищет — как спасти нас от радиации смерти.

Внешне в Чернобыле все спокойно. Но человек, пьющий тамошнее молоко — пьет смерть. Он дышит лесным воздухом — он вдыхает смерть. Он собирает грибы — он собирает смерть... Почему нельзя заниматься бегом в центре Москвы? — Потому что чем интенсивнее здесь дыхание, чем больше воздуха будет человек прогонять здесь через свои легкие — тем больше грязи будет осаждаться в них.

Так и в мире после грехопадения: чем больше «космических энергий» человек пропустит через себя — тем больше продуктов распада будет оседать в его душе... Так все «космические откровения» и «экстрасенсорные пассы», все подключения к «энергии космоса» и к «неизведанным ресурсам человечества» чреватые энергиями разрушения... Язычество поэтому имеет в Библии еще одно определение: рабство пустым и суетным стихиям мира. «Мы, доколе были в детстве, были поработаны вещественным началам мира... Ныне же, познав Бога, или, лучше, получив познание от Бога, для чего возвращаетесь к немощным и бедным началам, которым снова хотите

себя поработить» (Гал. 4,3-9). В греческом тексте «начала» — это, «стихий», то есть, на языке греческой мысли, те первоначала, из которых сложен космос. «Стихии мира» (Кол. 2, 8 и Гал. 4, 3) — это. От сообщения с космическими стихиями надо уклоняться — ибо «вы со Христом умерли для стихий» (Кол. 2, 20).

Для уклонения от игры со «стихиями» (то есть религиозно понимаемыми «космическими энергиями») есть весьма основательная причина: они не вечны. Однажды созданные, «разгоревшиеся стихии растают» (2 Пет. 3, 12). Значит, душа, пропитанная их энергиями и принявшая их вместо силы Божией, сгорит вместе с ними. Для стяжания бессмертия души надо прорваться сквозь легионы космических «энергий» и причаститься Единому Бессмертному (1 Тим. 6, 16). Так что для того, чтобы избежать печального будущего, надо в настоящем строить свою религиозную жизнь не по влечениям космоса.

Вообще космос ни одной из своих частей не может дать бессмертие. Он может пониматься как бесконечный, как вечный в своей целостности. Но любая составная его часть вовлечена в кругооборот стихий, и потому то сочетание, которое составляет на данный момент эту конкретную часть «проявленного бытия», рано или поздно распадется. Человек — весьма быстро; камень — дольше; Брама еще на некоторое время задержится в бытии, но затем также исчезнет в кругообороте элементов. Только если у человека есть над-космическая опора для бытия, то есть если у нас есть над-космическое происхождение от над-космического Существа, никак не затронутого потоком времени, у нас есть шанс на личное бессмертие. Если есть Личный Бог, свободный от космоса, личный и трансцендентный по отношению к миру Бог, для которого космос есть Его свободное творение, и потому космические циклы, свободно созданные Им, никак не подчиняют себе своего Творца, и если человек есть образ такого Бога — только тогда у человеческой личности есть защита от космического стирания граней, от уничтожения в космической стихийности.

Если же человек не дошел до Бога, запутавшись в «небесах», «планах» и «астралах» — Бог не может передать ему Свое бессмертие.

Поэтому есть еще одна поразительная странность в религии Ветхого Завета: эта религия ничего не говорит своим адептам о выживании человека (его души, «атмана» и т. п.) после смерти тела. Цель любой религии — преодоление смерти. Именно это, а не вопрос и происхождении мироздания

— главное, что интересует более всего любого человека в религии: «Господи, как мне умирать будет?».

Повсюду религии говорят о том, что человека за пределами этой жизни ждет воздаяние: злом за содеянное им зло и добром за сотворенное благо. Религии весьма по разному определяют, что благо и что худо для последующей судьбы души. У религий вполне разные ответы на то, что именно из «человеческого смешения» может войти в будущее. Весьма различны и представления о том, какой будет эта грядущая, подлинная реальность. Религии могут по-разному представлять себе вообще эту будущую жизнь (растворение в Абсолюте, вхождение в Нирвану, лучшее перевоплощение, жизнь в мире богов и предков, телесное воскрешение и т. п.). Но все они говорят: то, что ты начал на земле, продолжится в будущем. Так говорят все религии, но не религия Ветхого Завета.

Человеческое религиозное мышление естественно творит свои представления о грядущей судьбе человека. Но в том-то и дело, что религия Библии — не человеческая религия. Интерес к «космографии» и к посмертию, столь естественный и столь страстный у оккультистов всех времен, не поощряется Библией. Естественные, слишком естественные порывы мифотворчества сдерживаются уздой закона и огнем пророческих речей.

И здесь я считаю допустимым такой логический ход: в том факте, что Ветхий Завет не отвечает на самые естественные вопросы человеческого разума и сердца, я вижу подтверждение его нечеловеческого, сверхъестественного происхождения.

Ветхозаветные книги не знают идеи посмертной награды, не ожидают рая. «Вспомни, что жизнь моя дуновение, что око мое не возвратится видеть доброе. Не увидит меня око видевшего меня; очи Твои на меня, — и нет меня. Редет облако, и уходит; так нисшедший в преисподнюю не выйдет, не возвратится более в дом свой и место его не будет уже знать его. Не буду же я удерживать уст моих; буду говорить в стеснении духа моего; буду жаловаться в горести души моей» (Иов. 7, 7 — II). Смерть в восприятии ветхозаветных авторов — не освобождение от тела и не шаг к воссоединению с Божественным духом. Здесь, на земле, можно говорить с Богом. Смерть же есть та бездна, в которую даже взгляд Бога не опускается, и то пространство, которое не охватывается Божией памятью и Божиим Промыслом... Бог не может заботиться о том, чего нет. Это страшит людей Ветхого Завета — но такова реальность, возвещенная им. Им хотелось бы иначе ду-

мать о смерти — но Откровение, получаемое ими, не согласно с чаяниями человеческого сердца и молчит о том, что хотелось бы услышать человеку¹...

С грехопадения первых людей в структуре мироздания произошла подвижка, которая перервала животворящую связь людей и Бога. В самой природе человека произошла мутация, делавшая его неспособным к подлинному Богообщению. Даже в смерти праведник не соединялся с Богом. До Христа Царство Радости еще не может вобрать в себя мир, и никто из мира не может вместить его в себя.

Вот что важно отметить для понимания христианства: фон, на котором оно зазвучало как «Радостная Весть», как Евангелие, был одноцветно мрачен. Ни для кого — никакой надежды. Мир отрезан от Жизни. Две виднейшие раввинистические школы античности — Гиллеля и Шама — провели три года в диспуте на тему: «Не напрасно ли создан человек?». И пришли к общему выводу: лучше было бы человеку не появляться на свет².

Языческий мир также исчерпал первоначальные заряды оптимизма (в любую авантюру, особенно в оккультную, человек бросается с огромным запасом надежд, и на первых порах эти надежды, как кажется, оправдываются — чтобы затем обернуться еще худшим разочарованием)³. Классический язычник ощущает себя частью космоса и утешает себя или тем, что после его смерти составлявшие его личность части продолжают путь космических странствий, или же тем, что космос (или полис, город, род) будет существовать и после его частной кончины. Но к рубежу Нового Завета и языческий мир почувствовал, что человек есть не просто частица космоса, что человеческая личность есть тайна и есть ценность, превосходящая тайну и ценность космических стихий. И тогда первоначальный оптимизм сменяется радикальным пессимизмом. В Индии ищут пути к освобождению от колеса перевоплощений и от космических иллюзий. В средиземноморском античном мире воспевают мужество перед лицом смерти и саму смерть — ибо больше утешиться нечем.

¹ см. Eisenberg J., Abecassis A. *A Bible ouverte*, — Paris, Albin-Michel, 1978, pp. 101 — 102.

² В качестве примера приведу некоторые строки Е. П. Блаватской. Иногда ее духовные водители («Космические Иерархи») совсем прямо давали знать о своей человекоубийственной цели, и тогда Блаватская ощущала, к краю какой бездны она подошла: "Я согласилась бы на двадцать лет страданий, я с готовностью приняла бы жизнь, полную физической боли, если бы могла вернуть простую, теплую веру моей юности!.. В то время я верила, по крайней мере, во что-то, хотя бы в русского Бога.

³ Трубецкой С. Н. *Мнимое язычество или ложное христианство?* с. 167.

Рождаются Мистерии — но их помощь тоже иллюзорна: «Истина в этом культе Великой Матери — глубокая потребность в избавлении от смерти, надежда на будущую жизнь, сознание того, что человек не может спастись собственными силами и должен искать помощи свыше; истинно — искание благой Матери, приносящей бессмертие, искание совершенной всемогущей жертвы и упование на то, что в природе должен родиться Избавитель. Ложь в том, что все эти боги были ложными богами, обожествлением природы, ее производящих растительных сил, ложно то, что люди думали ожить силами Матери-природы; ложно само представление о будущей жизни как о бесконечных возрождениях или о чувственной жизни небожителей; ложны сами чувственные оргии с их мерзкими символами. Итак, греческий натурализм представляется нам смешением относительной истины с ложью» (С. Н. Трубецкой)¹.

Природа сама не может избавить себя от смерти — как же она сможет дать вечность человеку? По мере постижения этой правды люди все с большим интересом приглядывались к христианам: а почему вы не боитесь смерти? Что такого открылось вам в ваших мистериях, если вы готовы умереть за своего Христа? Те, кто шли поглазеть на казнимых христиан, нередко уходили со стадиона с вопросом: что такого знают о смерти эти христиане, что позволяет им без отчаяния, без страха и без цинизма шагать навстречу смерти? Так кровь мучеников становилась семенем Церкви.

А просто христиане знали, что, умерев, они будут со Христом: «Мы желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа» (2 Кор 5, 8). «Ибо знаю, что я ни в чем посрамлен не буду, но и ныне, как и всегда, возвеличится Христос в теле моем, жизнью ли то, или смертью. Ибо для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение» (Флп. 1, 21 — 22).

Все предшествующее изложение нужно было для того, чтобы объяснить исходную разницу между христианским мировосприятием и тем, которое владеет умами сегодня. Только христианство знает идею прогресса: было очень плохо, было «ветхо», и вот — забрезжила заря обновления всей твари. Мир рационализма, просветительства, мир позитивизма и гедонизма последних веков хоть и клянется в верности идее прогресса, на самом деле в самом главном прогресса не видит и не признает. Не заметив единственно важного Прогресса в прорыве от Ветхого Завета к Новому, наш век разменял великую идею Новизны на мелкие «улучшательства». Прогресс в технике войны, прогресс в эксплуатации земли и «человеческих ресурсов», улучшения в

¹ Соловьев В. С. Три разговора // Сочинения. Т. 2, — М., 1988, с. 717.

быту и в заботе о теле... «Да разве культурный прогресс ставит себе такие задачи, как уничтожение смерти? — Знаю, что не ставит, но ведь потому и его самого очень высоко ставить нельзя», — сказал в своем завещании Владимир Соловьев¹.

Современный мир полагает, что в принципе всегда все было хорошо. В космическом хозяйстве — все в порядке, и только недостаточная просвещенность людей мешает им все подвести под ранжир «общечеловеческих ценностей». Главное же — что хотя никакого Творца и нет, но все же человек создан (космосом, не Богом!) для счастья, как птица для полета. И любая религия, любая философия и политика должны оправдать претензии человека на его право на счастье. Радикальные атеисты (экзистенциалисты), которые говорили, что в мире нет разума и потому проблеск самосознания в человеке — это страшная и болезненная ошибка бессмысленного космоса, объявлены несовременными, равно как и христиане.

В мироздании царит «улучшательская» эволюция: уровень жизни должен расти не только в этой жизни, но и в будущей. Отсюда требование массового сознания к христианству: утешьте нас, скажите, что мы можем жить по стандартам потребительского общества, можем ежедневно исповедовать практический материализм, а за это Иисус вместе с Буддой введут нас после расставания с телом в миры и более богатые и более красочные и счастливые. Позвольте без всякой иронии распевать песенку Бориса Гребенщикова: «Будда бродит по Голгофе и кричит: „Аллах акбар!“. И предоде всего — избавьте нас от необходимости думать, выбирать и вообще сознательно растить свою душу. Мы ничего не знаем о мире религий — и поэтому для нас все религии равны, и поэтому мы очень веротерпимы. Вы, богословы, не смущайте наш энтузиазм и позвольте нам считать себя христианами, несмотря на наш оккультизм. Не мешайте нам считать себя духовными

¹К чему приводит подобная брезгливость, не желающая принимать ту истину, которой коснулись руки людей, видно из рассказа аввы Дорофея (VII век): «Знаю я одного, пришедшего некогда в жалкое состояние. Сначала если кто из братии говорил ему что-либо, он уничтожал каждого и возражал: „Что значит такой-то? нет никого достойного, кроме Зосимы и подобного ему“. Потом начал и их охуждать и говорить: „Нет никого, кроме Макария Великого“. Спустя немного начал говорить: „Что такое Макарий? нет никого, кроме Василия Великого и Григория Богослова“. Но скоро начал охуждать и их, говоря: „Что такое Василий и Григорий? нет никого достойного, кроме апостолов Петра и Павла“. Я говорю ему: „поистине, брат, ты скоро и их станешь уничтожать“. И поверьте мне, через несколько времени он начал говорить: „Что такое Петр и что такое Павел? Никто ничего не значит, кроме самой Святой Троицы“. Наконец, возгордился он и против самого Бога, и таким образом лишился ума» (авва Дорофей. Душеполезные научения и послания. Троице-Сергиева Лавра, 1900. С. 42).

(„эзотерическими“) христианами, при том что Евангелие мы листали лишь однажды, а не исполняли никогда.

И вот здесь я могу сказать только одно: мы можем выбирать духовные пути, мы можем следовать или нет духовным законам. Но сами эти законы столь же независимы от нашего желания, как и законы астрономии. «Вот я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло... Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое» (Втор. 30, 15 — 19), — передает Моисей людям Закон Творца. Мы не можем предложить Богу маршруты, по которым нам хотелось бы идти. Напротив, Он открыл для нас духовный путь, на котором можно найти Его, и предупредил о том, в каких случаях Царство Божие не наследуется людьми.

Такова разница между апостолами и современными богостроителями: Апостолы знали, что «весь мир лежит во зле» (1 Ин. 5, 19) и потому радовались, что Господь открыл возможность для спасения «по крайней мере некоторых» (1 Кор. 9, 22). Современный мир убежден в том, что космические пути хороши, что в религиях нет ничего опасного, что все люди будут спасены, и потому воспринимают как скандал напоминающие о евангельском свидетельстве о том, что пути людей необратимо разделятся.

В отличие от «улучшательской» идеологии современности, христианство — религия спасения. Спасают того, кому уже нельзя «помочь». Спасают там, где уже нельзя ограничиться «советами». Спасают не от недостатков. Спасают от смерти.

Христианство — это Новый Завет. Это значит, что прежний образ религиозности оказался недостаточен, оказался беспомощен. Это значит, что вне Нового Завета люди не смогли приблизиться к подлинному Богу — и потому Господь не усовершенствовал некую наличную философскую традицию, а пришел Сам и в Своей Крови, а не на папирусе, заключил с нами Завет Новый.

И даже более того: после того как людям был дан Новый Завет, прежний Закон стал не просто чем-то устаревшим. Он стал, мягко говоря, помехой. Это именно мягко говоря. А апостол Павел прямо сказал, чем стал прежний, иудейский Закон. Настолько прямо, что переводчики до сих пор не могут решиться перевести буквально это его высказывание. «Берегитесь псов, берегитесь злых делателей, берегитесь обрезания... Я, из рода Израилева, колена Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению фарисей, по правде законной — непорочный. Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства по-

знания Христа Иисуса, Господа моего. Для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа» (Флп. 3,2-8). Сор в последней фразе — это () греческого оригинала и stercus древнего латинского перевода. Откройте словари и посмотрите значения этих слов. Значение «сор» там не встретить. Это — навоз, кал, испражнение, дерьмо.

Еще прежде ап. Павел назвал дохристианские религиозные установления (даже не языческие, а собственные, еврейские, ветхозаветные!) «тщето́й». Тщета по гречески — : убыток, ущерб, вред. От этого «вреда» ап. Павел «отказался». Употребленный им глагол — — не просто отказался, а причинил себе убыток, лишился всего...

Итак, иудаизм уже не просто «тщета», то есть ненужная трата сил, но и вред и даже более того — дерьмо. Но если это о ветхозаветном законе говорит Павел — то тем более таково отношение апостольского христианства к язычеству. Как бы ни было оно потенциально светло до Христа, теперь оно «сор и тщета».

Так часто христиан называют жестокими людьми — за их свидетельство о том, что вне Христа нет спасения. Что ж, представьте, что включается служба оповещения гражданской обороны и объявляет: «Граждане, тревога! По нашему городу нанесен ракетно-ядерный удар. Через десять минут ракеты будут над нами. В вашем районе ближайшее убежище находится там-то... Кто успеет до него добежать — у того есть шанс спастись»... Скажите, кто жесток в этой ситуации: диктор гражданской обороны или тот, кто нанес ядерный удар по городу?

Св. Иоанн Златоуст однажды обратился с увещанием к родителям, которые возмущались проповедью монахов. Мол, подросшие дети, вместо того чтобы помогать отцам в торговле или ремесле, собираются в храмы, слушают монахов и даже уходят в монастыри... Златоуст предлагает сравнение: если кто-то ночью поджег ваш дом и проходивший мимо человек вбегает в него, стучит во все двери, будит людей и понуждает их выбежать из огня — кого вы назовете виновником ночного беспокойства? Поджигателя или спасителя? Так вот, если бы в наших городах, в ваших городах можно было бы защитить свою душу от огня грехов — не было бы нужды в монастырях. Не монахи подожгли грехами ваши города. И если они учат ваших детей защите от греха — в чем же их вина?

В мире и космосе разлита смерть. Мы сами ничего не сделали для ее преодоления. Но нам дано лекарство от смерти, «лекарство бессмертия», противоядие. Вечный Бог стал человеком, чтобы привлечь нас к Себе и Со-

бою защитить нас от последствий наших же беззаконий. Вот — Чаша с врачеством бессмертия. Вот — Чаша Жизни. Придите и вкусите... Жесток ли врач, уверяющий больных, что без принесенного им лекарства им не выжить? Жесток ли проповедник, говорящий, что вне Причастия человек не найдет Жизни?..

И в этой ситуации никак не очевидно, что разницей между христианством и язычеством можно пренебречь. Христианство говорит: пройди через боль покаяния и устремись к Богу. Язычество уверяет, что не надо ни того ни другого, а нужно лишь «расширить свое сознание». Для этой цели сгодятся и наркотики, и ЛСД и «ребефинг» — модная сегодня техника регулирования дыхания, при которой в мозгу, доведенном до кислородного голодания, возникают галлюцинаторные видения «райских планет» (иногда, напротив, этот же эффект дает техника «гипервентиляции мозга»: чувство эйфории достигается через перенасыщение кислородом). А если и нужно встречаться с кем-либо, то отнюдь не с Богом, а просто кое с кем из космических жителей...

Вновь вернемся к Чернобылю. Люди, живущие вокруг него, не виновны в своей беде. И все же смерть поселилась в их домах. И вот приезжает врач и говорит: я смог найти лекарство от вашей болезни. Эти ампулы у меня; придите ко мне, и я бесплатно вам их дам.

Этот врач остановился в деревне Малая Ивановка. И жители Верхней Ивантеевки, узнав об этом, заявили громкий протест: мы не будем лечиться у этого врача, потому что он остановился не у нас, а у наших соседей. Сами не пойдём и детей наших не пустим... Да, Христос воплотился не в Калуге и не на берегах Инда. Но вопрос «спасутся ли индусы», не пришедшие ко Христу, оказывается столь же абстрактно-моралистическим, как и вопрос о том, спасутся ли «ивантеевцы», обиженные тем, что врач поселился не у них. Доктор ведь не от злобы так сделал, не от несправедливости. Он пришел в зону смертельного поражения (хотя мог этого и не делать) и поселился там, где быстрее мог найти первых пациентов.

А у жителей хуторка в Новых Черемушках ситуация оказалась еще сложнее: они бы пошли к врачу за лекарством — но почтальоны до них не дошли, а радиосвязь не работала... Никто и не знал, что в этой глухомани еще живут люди. Они будут болеть и преждевременно умрут. Виноват ли в этом доктор, приехавший в Ивановку? Индусы слышали о Христе и не приняли его. Ацтеки многие века и не слышали о Нем. Виноват ли Христос, что каждую гору Он не сделал горой Преображения?

Еще были люди, которые и слышали и даже сходили посмотреть на врача и его помощников, но так и не могли понять, зачем это надо. Почему все говорят об опасности? Вроде все как всегда. И солнце светит, и цветы растут. Разве что поросята иногда странные рождаются — так для этого есть ветеринары, а нам-то зачем эти лекарства пить. Мы здоровы. Мы испокон веку сами себя лечили. И этот врач не лучше наших бабок. И ваш Иисус не лучше наших махатм...

Иные и готовы принять лекарство, но говорят: только лично из рук врача. Его помощникам мы не доверяем. Вот если бы он лично явился мне, скажем, сегодня после обеда — я с ним повечерял бы, а потом и лекарство, пожалуй, принял... В «Духовном луге» рассказывается о святом старце, который совершал Литургию с употреблением еретического Символа веры, но в сослужении ангелов. Встретив возражение со стороны православного, старец спросил ангелов — почему они сами не предупредили его об опасности. «Видишь ли, Бог так устроил, чтобы люди научались от людей же», — был ему ответ. И вот эти человеческие руки, которыми написано Слово Божие и которыми оно разносится между людьми — многим не нравятся. Брезгуют¹.

Еще были люди, которые и слышали, и пришли, но не вняли предупреждениям врача. Скажем, оказалось, что лекарство нельзя запивать водкой. Врач виноват, что не бегал за каждым и не бил по рукам?

Обнаружились и такие люди, что причастились лекарству и все правила его применения хранили. Но никак их нельзя было уговорить держаться подальше от эпицентра взрыва. Им все казалось, что там есть что-то более экзотическое и что вообще опасность радиации преувеличена. Они и в христианский храм ходили, и в Шамбалу каждый вечер через астрал летали. Христу они присвоили высокое звание в Космической Иерархии (полковника — планетарного Логоса), но не считали зазорным общаться с лейтенантами («барабашками») и с генералами — Фохатами.

Наконец, объявились и такие, кто слушали наставления врача с чрезвычайным благоговением и наизусть запомнили все его инструкции. Они на зубок знают, как пользоваться лекарством, с чем оно несовместимо, а что, напротив, помогает его лучшему усвоению. Вот только само лекарство они так сами и не попробовали. О последних двух группах стоит поговорить особо.

¹ Лосев А. Ф. Самое само // Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность, — М., 1994, сс. 363 — 367.

Почему нельзя совмещать служение Христу с «контактерством» и почитанием иных божеств?

С точки зрения языческой философии, Божество, Абсолютная Реальность находится не просто вне человеческого познания. Она пребывает вне всякой связи с миром людей. От Абсолюта к миру людей идет иерархия, лестница миров (эонов, эманаций, духов), и лишь те ее низшие ступени, которые непосредственно соседствуют с нашим миром, могут быть обретаемы в религиозном дерзновении людей. Божество непознаваемо и ненаходимо, а потому религиозный импульс следует направить на те инстанции, что ближе к Земле и доступнее — на мир богов. Более того, этот религиозный импульс желательно провести мимо Демиурга (Творца). Ведь тот дух, что создал наш, материальный и несовершенный мир, или не слишком добр или не слишком умен. В любом случае лучше уклониться от общения с ним и найти доступ к таким духам, которые находятся недалеко от нас, но при этом не принимали участия в создании материального кошмара. Гностики (околохристианские еретики II — III веков до Р. Х.) шли дальше и полагали, что Бог-Творец, возведенный Ветхим Заветом, есть злое начало, а искать общения надо с добрым Божеством Нового Завета. Христос — антагонист Иеговы, пришедший на Землю, созданную Иеговой, чтобы напомнить людям, что истину и спасение надо искать на следующем этаже космической Иерархии, в мире тех духов, которые не впали в безумие творчества.

В результате получается строго логическое зеркало Библии: если пророки утверждают, что истинный Бог — это именно Тот, кто является Творцом, то гностики (а сегодня — последователи Блаватской) утверждают, что именно тот, кто действительно сотворил наш мир, Богом называться не может, а поклоняться надо тем духам, которые уклонились от творения мира.

Радость же Библии (как Ветхого, так и Нового Завета) состоит в том, что Абсолют, Источник всякого бытия Сам создал мир людей. Он не поручил это кому-то из подчиненных духов, но Сам открыл Свою любовь тем, что смирил Себя до создания нашего мира. Плотный круг «олимпийцев», кольцо божков и духов, которые во много слоев пеленали сознание язычника, было разорвано простыми словами: «В начале сотворил Бог небо и землю». Бог — совершенно иной, чем мир. Бог не есть космос. Бог не есть человек. Бог непознаваем и неизреченен. И все же именно Он создал наш мир и открыл Себя в нем. Высшее и Непостижимое Бытие, оказалось, любит нас, а мы — в ответ — можем любить именно Его (а не космического посредника) и можем обращаться к Нему как к Личности. Безликое Брахмо

индийской философии обретает ясный личностный Лик в Библии. Человек получает право говорить к Абсолюту — «Ты».

Христианство прекрасно знает и глубоко переживает Непостижимость Бога. Говоря о православном мистико-богословском тексте, который традиция приписывает ученику ап. Павла св. Дионисию Ареопагиту, А. Ф. Лосев пишет: «Никакая буддийская литература, никакой греческий неоплатонизм, никакая западная мистика, средневековая или новая, не может и сравниться с Ареопагитиками по интенсивности трансцендентных ощущений. Это не риторика, но это какая-то мистическая музыка, где уже не слышно отдельных слов, но только слышен прибой и отбой некоего необъятного моря трансцендентности... Во-первых, тут перед нами не столько философия и богословие, сколько гимны, воспевание. Ареопагит так и говорит вместо „богословствовать“ — „петь гимны“. Во-вторых, несомненно, это воспевание относится только к личности — правда, абсолютно-трансцендентной и ни с чем не сравнимой, но обязательно к личности. Вся эта необычайно напряженная мистика гимнов возможна только перед каким-то лицом, перед Ликом, пусть неизвестным и непостижимым, но обязательно Ликом, который может быть увиден глазами и почувствован сердцем, который может быть предметом человеческого общения и который может коснуться человеческой личности своим интимным и жгучим прикосновением. Вся эта апофатическая музыка есть как бы упоение благодатью, исходящей от этой неизвестной, но интимно-близкой Личности, когда человек испытывает жажду вечно ее воспевать и восхвалять, не будучи в состоянии насытить себя никакими гимнами и никакой молитвой. От буддийской жажды самоусыпления это отличается огромной потребностью достигнуть положительных основ бытия, положительных вплоть до того, чтобы общаться уже не со слепым становлением вещей, и даже не с самими вещами, живыми или мертвыми, но только с личностью, которая ясно знает себя и знает иное и способна к разумной жизни и к человеческому общению. Такое сознание уже не имеет нужды в отвлеченной философии. Дедукция категорий для него очень маленькое и скучное дело. Обладая колоссальной мощью антиномико-синтетических устремлений, оно несколько не интересуется самими категориями, а просто только воспекает высшее бытие со всеми его антиномиями и синтезами в такой непосредственной форме, как будто бы здесь и не было никаких антиномий. В неоплатонизме самое бытие, в котором фиксируются антиномии, гораздо холоднее и абстрактнее. У Ареопагита абсолютная самость, в которой фиксируются антиномии, настолько живая, личная, богатожизненная, что сознание философа занято только тихим же живым общением с нею, так что только кто-то другой может со стороны наблюдать и систематически размещать все возникаю-

щие здесь антиномии, но самому философу этим некогда заниматься... Если бы мы стали искать, где же в истории философии то учение или система, которая вскрыла бы в отвлеченной мысли содержание ареопагитского апофатизма, то, пожалуй, мы не могли бы найти другого более значительного имени, чем Николай Кузанский. „Господь и Бог мой! Помоги Тебя ищущему. Я вижу Тебя в начале рая и — не знаю, что вижу, ибо я не вижу ничего видимого. Я знаю только одно: я знаю, что не знаю, что вижу и никогда не смогу узнать. Я не умею назвать Тебя, ибо не знаю, что ты Есть. И если скажет мне кто-либо: то или иное есть Твое имя, то потому уже, что он дает имя, я знаю уже, что это не Твое имя. Ибо всякое обозначение того или иного смысла имен есть стена, выше которой я Тебя вижу. Если дает кто-либо понятие, которым Ты можешь быть понят, я знаю, что это не есть понятие о Тебе, ибо всякое понятие находит свою границу в пределах ограды рая. И во всяком образе и сравнении, с помощью которого стали бы мыслить Тебя, я знаю, что это не есть соответствующий Тебе образ. Кто хочет приблизиться к Тебе, должен подняться над всеми понятиями, границами, и ограниченным. Следовательно, интеллект должен сделаться неведущим (*ignorantem*) и погрузиться во тьму, если хочет видеть Тебя. Но что же тогда есть Бог мой, это неведение интеллекта? Не просвещенное ли это неведение? Поэтому к Тебе, Боже мой, Который есть бесконечность, может лишь тот приблизиться, который знает, что не ведает Тебя“ (О видении Бога. 13)»¹.

Итак, Бог непостижим нашим усилием, но Сам открывает Себя Своей волей. И это еще не все. В Новом Завете открывается, что любовь Бога к людям сделала Его человеком. Величайшая радость христианства в том, что Тот, Кто пришел нас спасти, есть Тот, Кто нас некогда создал. «Пришел к своим», — говорит Евангелие от Иоанна о Христе, а св. Ириной Лионский через несколько десятилетий объяснит: если бы были правы гностики и Христос не был нашим создателем, то правильнее было бы сказать, что Христос пришел не к своим, а к чужим» (Против ересей. III, II, 2).

¹Конечно, совершенно невозможно понимать значение жертвы распятия Христа, как это понимается некоторыми недоросшими сознаниями. Смысл ее в том, что Христос, желая показать силу Духа над физической плотью, принял чашу и запечатлел своей кровью Завет, принесенный Им: «Нет больше любви той, как если кто положит душу за други свои» (Письма Елены Рерих. 1932 — 1955. Новосибирск, 1993, с. 415). Вот слова св. Григория Богослова на эту тему: «Какую же у них видим причину вочеловечивания? Если ту, чтобы вместился Бог иначе невместимый, и во плоти, как бы под завесою, беседовал с людьми, то это будет у них одна нарядная личина и зрелищное лицедейство. Можно было иначе беседовать с нами, как прежде в купине неопалимой и в человеческом образе» (Послание 3, к Кледонию // св. Григорий Богослов. Творения, — М., 1994, Т. 2, с. 12).

Во Христе мы встречаем Саму Вечность, прорвавшуюся в наше время. Ничего большего не мечтает подарить человеку ни одна другая религия. Все попытки примирить Евангелие с язычеством неизбежно приводят к потере этой радости. Христос оказывается всего лишь одним из Учителей (где-то между Пифагором и Джордано Бруно). Но если Он — всего лишь Человек, если Он — не Бог, значит, с Богом люди так и не встретились.

Иногда неоязычники (неоязычество — язычество после Христа) утверждают, что Христос — «аватар» Божественного Духа. Но тогда Само Божество так и оказывается безличным и безликим, а Христос оказывается не более чем маской, накинута́й на Брахман. Человеком Он не был (а, значит, и не страдал, и на Голгофе был лишь спектакль, призванный выжать слезы скорби и покаяния из людей)¹. Наконец, в некоторых неоязыческих школах утверждается, что Христос более, чем человек, но все-таки менее, чем Божество. Так, — «Планетарный Логос».

А если Христос есть и в самом деле Тот, Кем Он Себя называл («От начала Сущий» — Ин. 8, 25) и каким Его познала Православная Церковь, то что еще искать в других религиях? Сам Бог, Сама Вечность пришла к нам и сказала о пути спасения — а мы хотим «дополнить» Его плохо понятыми обрывками буддизма и язычества? Как Он Сам расценивает такое поведение — Он ясно сказал еще в ветхозаветную пору: это прелюбодеяние.

Библейская формула «Бог един» — это эксклюзивистская, исключаящая формула. «Если восстанет среди тебя пророк, или сновидец, и представит тебе знамение или чудо, и сбудется то знамение или чудо, о котором он говорил тебе, и скажет потом: „пойдем вслед богов иных, которых ты не знаешь, и будем служить им“, — то не слушай слов пророка сего, или сновидца сего, ибо чрез сие искушает вас Господь, Бог ваш, чтобы узнать, любите ли вы Господа, Бога вашего, от всего сердца вашего и от, всей души вашей» (Втор. 13,1-3).

Когда Бог говорит Моисею первую заповедь — «Бог один», он не имеет в виду, что тем самым Моисею открывается эзотерическая тайна — имен, дескать, богов много, а на самом деле все религии говорят об одном и том же Едином Боге. «Моисей, если хочешь, называй Меня Кришной, А ты, Аарон, можешь по вторникам звать меня Зевесом, а по пятницам хоть Астартой. А будет желание — молитесь так: „О, Карлсон, иже еси на крыше!“.

¹ О причинах гонений на христиан см. главу «За что преследовали христиан в языческом мире» в моей книге «Сатанизм для интеллигенции, т. 1. Религия без Бога» (М., 1997).

Пантеистическая формула «Бог един», напротив, инклюзивная: она вбирает в себя самые разные формы духовного движения. Заповедь Моисея имеет в виду «единый» как «единственный» — «нет иных богов!». Бог Библии называется Единым — потому что исключает иных богов. «Бог» современного религиозного китча называется «Единым», потому что вбирает всех богов.

Если бы Бог Библии воспринимался как один среди многих иных богов, как одна из многих эманаций Единого, наряду с Ним было бы естественно почитать иные божества. Как писал апологет язычества Цельс, «Кто почитает нескольких богов, тем самым делает приятное Богу, поскольку он почитает нечто от великого Бога. Поэтому, если кто почитает и боготворит всех (приближенных Бога), он не оскорбляет Бога, которому все они принадлежат... Право же, тот, кто, говоря о Боге, утверждает, что только одного можно назвать Господом, поступает нечестиво, так как он тем самым разделяет царство Божие, создает в нем раздор, как будто бы существовали (две) партии и имелся какой-то другой, противостоящий Богу» (Ориген. Против Цельса. 7, 2 и 8, II).

Но библейские пророки, а позже и христиане как раз и считали, что духовный мир разделился, И потому дружба с языческими духами есть вражда против Бога. Может быть, некоторые языческие ритуалы, образы, мистерии сами по себе не так уж плохи; далеко не все в языческой религиозной жизни может быть оценено как инспирация Сатаны. Но когда пришел Свет, когда открылась возможность прямого обращения к Богу, уже нельзя оставаться в мире языческих двусмысленностей. Отворачиваться от Христа, пришедшего к людям, и обращаться к прежним языческим заклинаниям — значит противиться Христу, отречься от Него.

И пророки и апостолы признавали, что у других народов есть свои божества — но решительно отказывались признать за богами язычников статус Истинного Творца (язычники, впрочем, на этом и сами особенно не настаивали). Отсюда — слова ап. Павла: «Итак об употреблении в пищу идоложертвенного мы знаем, что идол в мире ничто, и что нет иного Бога, кроме Единого. Ибо хотя и есть так называемые боги, или на небе, или на земле, так как есть много богов и господ много, — но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им» (1 Кор. 8,4-6). Если бы эта фраза звучала как «Знаем, что есть много богов и господ много, но у нас один Бог Отец», — это было бы манифестом обычного язычества: мы выбираем своего бога из сонма многих владык и уважаем право иных религий иметь общение с прочими богами

(если я храню деньги в банке А, это не означает, что я отрицаю право других людей хранить их деньги в банке В). Но немедленно добавляемая богословско-метафизическая нагрузка резко меняет ситуацию: «у нас один Бог Отец, из Которого все». Не просто — «у нас есть Бог, из которого приходим мы, наше племя, наша вера», но — «из Которого все» (то есть — из этого источника все подучило свое бытие), а также «Которым все» (то есть и поныне все, что есть, существует по причастности к этому Истинному Бытию).

Христиане убеждены, что те, кто влагают свои сердца и деньги в свои языческие банки, слишком близки к краху. Их «космические иерархии» не более чем экономические пирамиды типа «МММ». И не от злобы к этим людям, а от желания им добра апостолы вновь и вновь предупреждали: отойдите, пока не поздно, от ваших богов. Обратитесь к Единому Вечному Творцу.

И вот — из 12 первых апостолов Христа десять были убиты за свою проповедь (кроме Иуды Искарота и ап. Иоанна, после многих ссылок и арестов все-таки ненасильственно ушедшего из этой жизни). Был убит и ап. Павел. Все они предпочли пойти на смерть, но не преклониться перед богами языков¹.

Если бы в их представлении Христос был воплощением одного из многих Иерархов или Духов, если бы Он казался им лишь очередным «аватаром» — они не стали бы ценою своих жизней отказываться от почитания иных «сыновей божиих».

Так часто обвиняют сегодня Церковь в теплохладности, в том, что она совсем не похожа на Церковь апостолов, на пламенную общину первохристиан. Это правда. Но на первых христиан мы похожи именно в том, что более всего и не нравится в нас людям «всерелигиозным». В чем угодно можно противопоставлять первых христиан и нас. Но только не в одном. Нельзя противопоставлять современную «православную нетерпимость» «терпимости апостолов», потому что последней просто не было. Апостолы никого не преследовали (как и православные сейчас). Они лишь твердо стояли на своем: нет спасения вне Христа, а потому «не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую» (1 Кор. 20, 22). Нет возвращения в прошлое, когда, «не зная Бога, вы служили богам, которые в существе не боги» (Тал. 4, 8).

¹преп. Иоанн Кассиан. Собеседование 23,15 // Писания преп. Иоанна Кассиана Римлянина. М., 1892, с. 599.

Отказ от Завета с Личным Богом, который вне Себя создал Вселенную, означает растворение себя в Космосе, подчинение своей жизни и своей судьбы безликим и бездумным, бессострадательным законам Космоса (например, законам Кармы и астрологии).

Слишком хорошо знали и апостолы и первые христиане мир языческих мистерий, философий, мир без Христа. Они проповедовали не в атеистическом мире, а в мире, где у каждого человека, у каждой семьи, у каждого народа уже была своя религиозная традиция. И этому миру они принесли НОВОЕ. Сегодняшний мир, не зная толком НОВОГО Завета, а также порядком отвыкнув от настоящего язычества, полагает, будто Новый Завет можно «обновить» через прививку к нему языческого оккультизма.

В воде тоже есть растворенный кислород. Но если водолаз посчитает себя рыбой и попробует дышать этим воздухом, он погибнет. Ему протянут воздуховод с поверхности. А он пробует дышать через раз: разок из шланга, а разок — прямо пуская воду в свои легкие. То, что он скоро погибнет от таких упражнений, очевидно. Но смерть души не так заметна. И «всерелигиозные», «терпимые» и «открытые» оккультисты носят в своих телах агонизирующие, протравленные «космическими энергиями», распадающиеся души и при этом уверяют христиан, что больны именно мы — больны «не-терпимостью».

Я это говорю не из книг. Любой православный священник может рассказать десятки историй о людях, которые взрастили в себе духовные болезни, пробуя совместить христианство с «восточными учениями».

И вновь о Чернобыле. Уже упоминалась группа людей, которые знают все инструкции по пользованию новым лекарством, но самого лекарства не принимают. Они считают, что если врач не сердится на пациента — то, значит, больной от этого становится здоровым. Так считают протестанты: по их мнению, источник нашей болезненности — в отношении Врача к нам и нашим грехам. Поскольку достоверно известно, что Бог на нас уже не гневается (будучи удовлетворен жертвой Христа), то как только мы узнаем о происшедшей перемене в отношении к нам Бога, так сразу становимся здоровыми и спасенными.

Что ж, представим, что инженер, по вине которого произошла Чернобыльская авария, оказался под судом. Предположим, что через некоторое время ввиду тяжелого состояния его здоровья ему объявляют амнистию. Сильно ли облегчит эта бумага его положение? Ведь он сам носит в себе тяжчайшую кару за свой грех. Он сам пропитан радиацией. Он сам умирает. И

никакой суд, никакая апелляционная инстанция не могут защитить его от нарастающей боли, от поглощающей слабости.

В отличие от западного христианства, склонного описывать драму грехопадения и искупления в терминах юридических, восточное христианство осмысляет отношения человека и Бога в терминах органических. Для православия грех — не столько вина, сколько болезнь. «Грех делает нас более несчастными, чем виновными», — говорил преп. Иоанн Кассиан¹, а преп. Исаак Сирин сравнивал грешника со псом, который лижет пилу и не замечает причиняемого себе вреда, пьянея от вкуса собственной крови². И в чине исповеди священническая молитва утешает: «Пришел еси во лечебницу, да не неисцелен отыдеши».

Мало объявить человеку, что Бог более не сердится на него. Надо дать ему реальную защиту от смерти, надо дать ему реальную возможность дышать Богом. Не Бог удерживает Себя вдали от людей. Люди удалены от Него: как собственными грехами, так и блокирующими духовными посредниками. Надо дать лекарство. Лекарство нужно от смерти. Лекарством от смерти может быть только Бессмертие. Бессмертие имеет только Бог. Значит, Бог, бывший вдали, должен обрести жизнь внутри человека. «Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий... Хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру. Я семь хлеб жизни... Отцы ваши ели манну в пустыне, и умерли, Хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет. Хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдаю за жизнь мира. Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин. 6, 27 — 53).

Причастие Крови и Тела Христова — вот то анти-космическое лекарство бессмертия, которое принес Спаситель. Христос позвал нас на «вечерю бессмертия» (Климент Александрийский, Строматы 7, 3). Сам Христос установил именно такой способ сообщения со своими учениками. Не просто через проповедь, не просто через молитвы или гимны, не просто через обряды — через Таинство Причастия Телу и Крови Христа. Люди, которые говорят, что достаточно читать о Тайной Вечере и вспоминать о ней, люди, по

¹ преп. Исаак Сирин. Творения, — Сергиев Посад, 1911, с. 582.

² «Мы не признаем таинства превращения хлеба в Тело Христа и виноградного вина в Кровь Спасителя, и того, что верующие якобы вкушают не хлеб и вино, но истинное Тело и Кровь Христа» — утверждает баптистский учебник догматики (Догматика. Заочные библейские курсы ВСЕХБ. Москва, 1970. с. 262). Сопоставление протестантского и православного понимания Евхаристии см. в моей книге «Протестантам о Православии» (М., 1997).

уверению которых само Лекарство Бессмертия для нас сегодня недоступно, не поняли замысел Спасителя. Эти люди — протестанты¹.

По их мнению, «единственное, что может спасти человека, — Евангелие, радостная весть о спасении через Иисуса Христа и искупление на Голгофе. Задача Церкви — проповедь Евангелия, слышание которого открывает людям путь ко спасению»². Человек утоляет жажду информацией о воде, а не самой водой. Человек питается символом Хлеба, а не самим Хлебом. Спасает «весть о спасении», «информационный выпуск Хороших Новостей из Иерусалимского отделения Би-Би-Си», а не реальная благодать Христова.

Протестанты похожи на человека, который видит в пустыне умирающего от жажды путника и, радушно подойдя к нему, начинает рассказывать умирающему о пользе воды. Три часа он говорит о том, какие замечательные свойства у воды, о том, что без воды не может быть жизни, о том, что надо бороться за чистоту источников и водоемов... «Понимаешь, — говорит он, — тело человека на 80% состоит из воды... Впрочем, твое, кажется, только на 60%...» А затем уходит, так и не дав жаждущему ни капли воды. «Разве ты еще хочешь пить? Разве не достаточно тебе „хороших вестей о воде“? Хочешь саму воду? Но у нас ее как раз и нет. Мы пьем „символ воды“, мы даем людям „воспоминание о воде“. Это только невежественные православные и католики считают, что жидкость в их литургических сосудах действительно есть Вода Жизни, Кровь Христа. А мы считаем, что вода — это слова. Христа. Эти слова мы тебе и пересказали. Почему же ты еще хочешь пить?! Ты же слышал: „Задача Церкви — проповедь Евангелия“, а совсем не Причастие Телу и Крови Христа; ты же слышал: „Слышание открывает людям путь ко спасению“, а совсем не соединение с Богочеловеком. Ну что, тебе расхотелось пить? И, кстати, если тут рядом будет проходить православный священник с Чашей — смотри, ни в коем случае не пей из нее!».

В Причастии мы приобщаемся Пасхальной, Воскресшей плоти Христа. Это «иногое бытия начало». Частицы нового космоса, того космоса, в котором уже нет отравы смерти, в котором побеждена энтропия и смертный распад, вторгаются в нас — чтобы ослабить давление плоти греха на нашу личностную свободу. Через причастие мы вновь оказываемся в состоянии как бы Эдема: прошлое греха не давит на нашу личностную во/по, и мы в

¹Экман У. Доктрины. Основы христианского вероучения, — М., 1996, с. 208.

²св. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна, 46.

состоянии свободы делаем свой выбор, не испытывая чрезмерного давления греховного собственного прошлого и привычек нашей природы, искривленной грехом.

Путь исцеления состоит в том, что Христос в Себе, в Своей Божественной Личности исцелил воспринятую Им человеческую природу и ее, уже исцеленную, подает нам в Причастии, чтобы чрез исцеление природы исцелить личность каждого из нас. «Итак, чтобы не любовью только, но и самым делом сделаться членами плоти Христовой, мы должны соединиться с этой плотью... Кто отдал вам Своего сына здесь, Тот тем более сделает для вас там — в будущем. Я восхотел быть вашим братом; Я ради вас приобщился плоти и крови, и эту плоть и кровь, через которые Я сделался сокровенным с вами, Я опять преподаю вам»¹. Бог взял нашу плоть, чтобы вернуть ее нам исцеленною и пропитанною Духом Жизни, бессмертием.

Там, где эта новая человеческая природа живет — там Тело Христа, там Церковь. Именно бытие Церкви как Тела Христова Павел называет «тайной, сокрытой от веков и родов, ныне же открытой святым его», тайной — «которая есть Христос в вас» (Колос. 1, 26 — 27).

Поэтому и нет спасения от мира падшего космоса вне Церкви Христовой. Там, где нет Причастия — там нет НОВОЙ Реальности Нового Завета. Там нет причастия Вечной Жизни. Там по прежнему «смерть и время царят на Земле»...

Христиане приглашают: «Придите и вкусите»... А нас называют «не-терпимыми». За то, что мы хотим передать людям великий Дар Христов, — нас честят «жестокими». За то, что мы возвещаем НОВЫЙ Завет, — нас именуют «отсталыми». За то, что мы призываем продумать и осознать Откровение Божие, нас обзывают «бездумными фанатиками».

¹ Кого имеет в виду Христос? Кого овцы не послушали и тем самым проявили рассудительность и духовную трезвость? Не следует ли из Его слов, что тот религиозный проповедник, чей голос слушают, уже тем самым не есть вор и разбойник? Но тогда получается, что гнев Христа направлен против тех людей, у которых и так нет никакого авторитета, которых и так никто не слушал. А если — «вора и разбойника» и так не слушают — то стоит ли против него говорить? Значит, все сложнее: есть-таки проповедники, за которыми люди идут — вопреки воле Христа... Не есть ли «овца» этой притчи последняя сердечная глубина, к которой допускает только «привратник», опознавший зов Господа? Только Бог, создавший человека, — знает ключ к его последней сердечной глубине. Все остальные подчиняют себе человеческую волю разбойничьи — не благодатью, но человеческими средствами: медитациями и философскими рассуждениями, тварными чудесами, магией, авторитетом, силой оружия...

Спасение в Церкви есть — приидите. А вне Церкви... Еще в III веке св. Киприаном Карфагенским сказано: «Кому Церковь не Мать — тому Бог не Отец». И нехристиане с этим были согласны: и в самом деле, для тех, кто живет вне христианства, Бог — не Отец. Он — «Владыка», «Единая Энергия», «Карма», «Нирвана», «Божественный Принцип», «Безликий Брахма»... И только Христос сказал: «Отче, Я открыл имя Твое человеку» (Ин. 17, 5 — 6). Это, новое, имя Бога — Отец. И соединяемся мы с Ним в Его Сыне — во Христе через Его Тело, которое есть Церковь. В это тело мы входим через Его Вечный Дух, который исходит от Отца, а не от Космоса и почивает в Сыне, а не в «астрале». Христос дал нам не только право обращаться к Богу — «Отец»; Он дал нам Дух, который мир принять не может (Ин. 14, 17).

Мир за это очень обиделся на Христа и на христиан. Обиделся еще при жизни Христа. И даже две тысячи лет спустя после Его казни так и не простил Христу и Его апостолам ясности их свидетельства о том, что Путь Спасения — один.

За что распяли Христа? — Ну, в частности, за это: «Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники, но овцы не послушали их. Я семь дверей: кто войдет Мною, тот спасется» (Ин. 10, 8)¹.

А вот еще то слово Христово, которое так не любят сейчас вспоминать: «Думаете ли вы, что Я мир пришел принести на землю? Нет, говорю вам, — но разделение» (Лк. 12, 51)². «Истинное Слово, когда пришло, показало, что не все мнения и не все учения хороши, но одни худы, а другие хороши» — спустя сто лет сказал св. Иустин Философ, до встречи с христианством прошедший искус языческими мистериями и философиями³. Иустин Философ стал Иустином Мучеником. Его казнили — как и его учителя св. Поликарпа Смирнского. Казнили за то, что не оказывал почтения к языческим практикам и доктринам.

И до сих пор языческий мир, мир «улучшателей» и «прогрессистов», не разглядевших Нового Завета, требует от нас: — Ну, скажите нам, что мы тоже спасемся, — Да, спасетесь. Если придете ко Христу, если примете Евангелие целиком, а не кусочками. Если расслышите Его обращение:

¹Комментарий Владимира Соловьева: «Он пришел принести на землю истину, а она, как и добро, прежде всего разделяет» (Соловьев В. С. Три разговора, с. 710).

²св. Иустин Философ. Апология 1 // Ранние отцы Церкви, — Брюссель, 1988, с. 354.

³Черняк И. У «охотников за головами» // Огонек, 1995, N 20, сс. 68 — 71.

— «Покайтесь... Пришлите... Сия есть Кровь Моя, за вас и за многих изливаемая во оставление грехов...».

Жертва человеческая и божеская

В Новой Гвинее есть племя, при знакомстве с представителями которого ни в коем случае нельзя называть свое имя, рассказывать что бы то ни было о себе и принимать помощь от них. Это «асматы — удивительный народ, упоминание о котором наводит страх, ибо это жестокие охотники за головами и каннибалы. В 1961 г. именно здесь бесследно исчез Майкл Рокфеллер — сын бывшего в то время губернатора Нью-Йорка и одного из богатейших людей Америки. 20 моряков капитана Кука, высадившихся в 1770 г. с корабля на берег в поисках воды, стали жертвами аборигенов. Дурная слава пристала к этой местности. Каннибализм, страшный и непонятный, сделал асматов в глазах цивилизованного человечества кровожадными чудовищами. В 20-х годах нашего столетия голландцы, владевшие этими территориями, боролись с каннибализмом нещадно. Затем индонезийцы продолжили карательные экспедиции с той же решимостью. Но каннибализм был не побежден, а скорее загнан в подполье. Асматы изъяли все внешние проявления каннибализма из публичной жизни. Асматы считают, что смерть одного прибавляет жизненных сил другому. Убивая человека из другого племени, они тем самым как бы продлевают свою собственную жизнь. Только тот, кто узнал имя убитого, сможет в полной мере „воспользоваться“ результатами охоты. Посему и доблесть асматского воина зависит от умения выследить свою жертву, узнать о ней как можно больше. „Моральным“ же обоснованием для „охотников за головами“ являются умершие предки, постоянно требующие отщепеня. На их души можно списать все, их спиритуальной силой прикрываются от злых духов, во множестве подстерегающих человека повсюду. Именно поэтому поклонение духам умерших стало неотъемлемой частью асматских верований.... Доблесть воина — в победе, какой бы ценой она ни досталась. Надо — заведет специально дружбу с жителями соседней деревни, пригласит в гости, угостит, окажет помощь, — и все лишь для того, чтобы, узнав о враге как можно больше, однажды напасть и убить. Странный, с позиции белого человека, кодекс взаимоотношений. Вполне логичным в этом контексте выглядит восприятие асматами библейской истории, с которой упорно и терпеливо знакомят их миссионеры, нередко, впрочем, страдавшие до недавнего времени от коварных каннибалов. Так вот, Иуда в глазах асматов выглядит рядом с рефлектирующим, слабым, простодушным Христом настоящим воином-победителем. Он сумел втереться в доверие к врагу,

улучил нужный момент, перехитрил свою жертву и нанес точно рассчитанный удар. Он добился поставленной цели, он выжил, а Христос...

Асматы. Мужественные, бесстрашные воины, гордые люди, не покорившиеся завоевателям. Да, с точки зрения белого человека, они коварны, вероломны и кровожадны, они не признают нашей морали и нашей жизни. И все же жаль, если цивилизация когда-нибудь уничтожит их самобытность»¹.

Если читатель разделяет скорбь автора «Огонька» о том, что каннибализм может исчезнуть, а в результате наш мир станет чуть-чуть менее плюралистичным — может более не трудиться читать дальше. На вопрос «Все ли равно как верить?» в отличие от прессы типа «Огонька» я сразу отвечаю отрицательно: нет, не все равно как верить. Не все равно — едят ли люди друг друга или баранину. Не все равно — молятся они Христу или Вельзевулу.

Упоминанием о каннибализме, я полагаю, можно подвести черту под дискуссией на тему «Можно ли сравнивать религии между собой». Да, религии различны, их разницу можно заметить и, осознав, признать, что одни религиозные практики являются, мягко говоря, «более отсталыми», а другие — «более духовными». Религия, в которой в жертву приносятся люди, мне представляется «менее возвышенной», чем та, которая предписывает приносить в жертву только животных. В свою очередь, религия, рекомендующая по праздникам резать ягнят, уступает той, в которой «вечерней жертвой» именуется словесная молитва и обращение сердца человека к Богу. И даже если мне докажут, что культ человеческих жертвоприношений более древен, чем практика вечернего чтения Псалмов, я предпочту отмежеваться от «эзотерических преданий старины» и остаться в традиции, не имеющей столь почтенного возраста.

Я вполне понимаю выбор молодого индуистского брахмана, который свою древнюю и «эзотерическую» традицию променял на более молодое и прозаическое христианство: «Мой дед Сингх серьезно занимался оккультизмом и всегда критиковал тех, кто просто философствовал и не пытался использовать сверхъестественные силы. Однажды моя бабушка Нани поведала мне тайну, которую хранила долгие годы: Сингх принес своего первого сына в жертву любимой богине Лакшми, супруге Вишну-хранителя. В Индии был такой обычай, но о нем не говорили открыто. Богиня богатства и

¹Рабиндранат Р. Махарадж. Смерть одного гуру, — Новосибирск, 1995, с. 12.

процветания, она, возможно, помогла деду с невероятной быстротой стать самым богатым и влиятельным человеком на Тринидаде»¹.

В этой статье я почти не буду говорить от себя. Я просто постараюсь показать — на каком фоне зазвучала проповедь Пророков, а затем и Христа. То, что глубоко погружено в воды истории, видится и смутно и ностальгически. Но есть на земле островки, где многое осталось по-прежнему. Там не было услышано Евангелие.

Один из таких островков — мир ламаизма. Субстратом, который «подморозил» Тибет, задержав его духовное развитие в добиблейской эпохе, был буддизм. Дело в том, что в буддизме нет идеи Бога. Ни Единого Личного Бога-Творца нельзя мыслить по правилам буддистской философии, ни даже Мировой Брахман, Вселенский Дух. Все, что есть, есть поток частиц, все порождено психизмом. Все есть проявления психической энергии, и поэтому всем можно пользоваться — если только отдавать себе отчет в том, что ты используешь эти силы во благо буддистской общины.

В Тибет махаянистский буддизм пришел в VII веке. В IX веке он проник из аристократии и ученых кругов в народ в форме ламаизма, основанного Падма Самбхавой.

Народы Тибета тогда еще не вышли из стадии шаманизма. Их культ состоял в общении с духами — в том числе и вполне и откровенно злыми. По логике религиозного развития через какое-то время они могли бы принять идею Единого Божества и встать на общечеловеческий путь развития... Но к ним пришли буддистские проповедники и сказали, что Бога нет. Но есть духи (с точки зрения буддистской философии, в принципе есть любые формы бытия, если кто-то их последовательно и постоянно мыслит и передает им свою энергию). В самом деле — любой буддист знает, что на проповеди Будды слетались даже боги. А Бог не пришел. Значит — Его нет. Шаманский культ был подкреплён буддистской философией.

Итак, придя в Тибет, Падма Самбхава начал строить монастырь Самье. Однако демоны противились стройке. Вступив с ними в оккультную борьбу, Падма Самбхава покорил их и превратил в слуг, которые и закончили строительство². Так родилась излюбленная поговорка Е. Рерих: «Демоны строят храм». Кроме того, основатель ламаизма, победивши дьявольские силы, выдвинул и более долгосрочное условие для освобождения демонов.

¹См. Давид-Ноэль А. Мистики и маги Тибета, — М., 1991, с. 108

²Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу, — СПб., 1887, сс. 329 — 338.

Отныне они были обязаны защищать буддистское правоверие. Вообще, с точки зрения тантризма, неэкономно уклоняться от общения с темными духами и энергиями — надо научиться не отметать их, а использовать в своих целях. Любая энергия может стодиться в оккультном хозяйстве.

Опираясь на это предание и на это учение, заискивание именно перед этими жестокими и кровожадными гениями заняло первенствующее место в народном культе. В буддистских монастырях Монголии и Тибета ежедневное утреннее служение начинается с принесения кровавой жертвы «хранителю веры Чжамсарану и другим лютым божествам и гениям», «божественным палачам и смертоносцам врагов веры и добродетели».

Вот описание этих служб в книге русского этнографа А. М. Позднеева, переизданной в 1993 г. в Калмыкии самими буддистами: «Приносящие балин хуvaraки перед началом служения должны прежде всего созерцать Чжамсарана и представить себе все пространство мира пустым. В пространстве этой пустоты они должны представить себе безграничное море из человеческой и лошадиной крови, в котором треугольником волнуются волны, в самой середине этих волн — четырехугольную медную гору и на вершине ее — солнце, человеческий и конский труп, а на них Чжамсарана. Лицо у него красное; в правой руке, испускающей пламя, он держит медный меч, упираясь им в небо; этим мечом он посекает жизнь нарушивших обеты. В левой руке он держит сердце и почки врагов веры; под левой мышкой прижал он кожаное красное знамя. Рот страшно открыт, 4 острых клыка обнажены; имеет три глаза и страшно гневный вид. Он коронован 5 человеческими черепами. Стоит он среди пламенеющего огня премудрости».

Принеся этому и армии иных демонов чашу крови, их призывают уничтожать врагов, а особенно тех, кто ограничивает распространение веры и святости буддийской. Вот вопль, к ним обращенный: «Призываю основавшего свое вечное местопребывание в юго-западной стране трупов владыку жизни, великих красных палачей и шимнусов, не отступающих от повелений Чжамсарана, приидите по силе обещания... Чтобы порадовать Чжамсарана и его сподвижников, чествую их великим морем разной крови. Ом-ма-хум... Все враждебные и силы и препятствия, согласно своим строгим и жестоким законам, сделайте прахом... Открывший рот и обнаживший клыки, имеющий три глаза на своем страшном лице, завязавший в косу свою темно-желтые волосы, возложивший на себя корону из черепов и четки, величественный богатырь, одаренный лицом, на которое невозможно смотреть, тебя восхваляю я! Стоящую по правой стороне от тебя Ухин-тэнгри, которая держит в своих руках меч и гвоздь, имеет синеватое тело и красноватое лицо —

восхваляю я!.. Царь хранителей-якшасов, мать красноликая, владыка жизни, свирепые восемь меченосцев и вы, страшные палачи, умножьте вашу энергию! греховным, воздвигающим преграды ламству, всем держащимся еретического учения покажите вашу силу, и спасите, о спасительные. Ниспослав свыше шимнусов, действующих ножами, схватите врагов сетью, пришпильте их гвоздями, перерубите мечами, прострелите стрелами, пронзите копьями, высосите у них сердце! Но, заставив их покончить свое настоящее злое существование, спасите их души! Прекратите жизнь этих злобных врагов! плоть, кровь и кости их вкушайте устами вашими! Примите эту жертву плоти и крови ненавистных врагов! Направьте меня на путь добродетели, но накажите врагов явными знаменами! Уничтожьте врагов ламства и веры вообще, ибо только таким путем вы сохраните веру и священное учение!»¹.

Итак, если издалека кажется, что все религии равны, стоит рассмотреть их поближе. И задаться вопросом, можно ли, например, в одном иконостасе поставить Спаса Рублева и маски ламаистских божеств? Можно ли наряду во время одной утренней молитвы прочитать и молитву христианина, и молитву тибетского монаха?

Впрочем, для ответа на последний вопрос надо привести их тексты. Утреннюю молитву ламаиста мы слышали. Для удобства сопоставления возьмем молитву православного христианина, обращенную не к Богу, но к Ангелу Хранителю: «Святой Ангеле, предстояй окаянной моей души и страстной моей жизни, не остави мене грешнаго, ниже отступи от мене за невоздержание мое; не даждь места лукавому демону обладати мною насильством смертнаго сего телесе; укрепи бедствующую и худую мою руку и настави мя на путь спасения. Ей, святой Ангеле Божий, хранителю и покровителю окаянная моя души и тела, вся мне прости, еликими тя оскорбих во вся дни живота моего, и аще что согреших в прешедшую ночь сию, покрый мя в настоящий день, и сохрани мя от всякаго искушения противнаго, да ни в коем гресе прогневаю Бога. И молися за мя ко Господу, да утвердит мя в страсе Своем, и достойна покажет мя раба Своея милости, аминь». Как справедливо отмечает Л. Юзефович, «архангела Михаила, архистратига небесных сил, при всей его воинственности трудно представить в диадеме из отрубленных голов, сжимающим в зубах окрававленные внутренности противников христианства. Пусть даже подобные физиологические

¹Юзефович А. Самодержец пустыни. Феномен судьбы барона Р. Ф. Унтерн-Штернберга. — М., 1993, с. 152.

детали были символами борьбы чисто духовной, сам этот метафорический язык, принципиально отличен от христианского»¹.

Впрочем, в Тибетской «Шамбале» доходило и до практики. «Мне, пробывшему тогда полтора десятка лет среди монгол, казался странным разговор со служителем, буддийским ламой, представителем движения „щадя все живое“, разговор о возможности существования человеческих жертвоприношений»²... И однако в невероятном пришлось удостовериться. Человеческие жертвоприношения дожили у северных буддистов до XX века.

Вот, например, одно из деяний знаменитого Тушегун-ламы (или Джа-ламы), считавшего себя воплощением Махакалы, Великого Чернобога, «почти полвека будоражившего степь, вселявшего ужас в кочевников и признанного при жизни святым»³. В августе 1912 году после боя в китайской крепости Кобдо монголы захватили 35 китайских торговцев (не солдат, заметьте, — купцов). Над ними было решено исполнить древний тантристский ритуал «освящения знамен». «Созывая народ в гудящие раковины, ламы вынесли обтянутые человеческой кожей дамары — барабаны, музыкальные инструменты из полых человеческих костей, горшочки с кровью для демонов. Ламы высокого и низкого рангов одинаково с трудом пробирались сквозь толпу... Проворно донага раздели жертвы. Руки и ноги им заломили за спину, голову откинули назад, привязывая косицу к связанным рукам и ногам так, чтобы торчала вперед грудь жертвы. Громче забормотали молитвы и заклинания ламы, поспешнее становилось жуткое пение. Вперед вышел Джа-лама, как все ламы, с непокрытой головой, в красной мантии. Пробормотав слова молитвы, он встал на колени перед первым из связанных китайцев, взял в левую руку короткий серпообразный жертвенный нож. Мгновенно левой рукой вонзив нож в грудь, Джа-лама вырвал правой все трепещущее сердце. Хлынувшей кровью хайлар-монголы написали на полотнище „формулы заклинаний“, которые гарантировали бы монголам помощь докшитов, оценивших их победу. Потом Джа-лама положил окровавленное сердце в приготовленную габалу — чашу, которая на самом деле была оправленной в серебро верхней частью человеческого черепа. И снова крик новой жертвы, пока, наконец, все пять знамен не были расписаны кровью

¹Бурдуков А. В. Человеческие жертвоприношения у современных монголов // Сибирские огни. 1927. М.З, с. 185.

²Ломакина И. Голова Джа-ламы // Наука и религия. 1992. М.1.

³Ломакина И. Голова Джа-ламы, — Улан-удэ — СПб., 1993, сс. 74 — 76. «Об этом необычном торжестве мне рассказывал как сам Джа-лама, так и его приближенные», — свидетельствует А. Бурдуков (Бурдуков А. В. Человеческие жертвоприношения... с. 185) хотя в его статье нет описания тех ритуалов, которые приводит И. Ломакина, очевидно, по иным источникам.

сердец. Коротким ударом ножа в череп вскрывали его ламы, опуская тут же теплые мозги в габалу к мертвым сердцам... В ужасе отшатываясь в начале, зрители вскрикивали что-то в знак одобрения, словно зажигая в душе свой маленький огонь... Настал черед следующих пяти жертв, в том числе пленного сарта. К нему первому подошел Джалама. Пронзительное „аллах-иль-аллах“ разнеслось по долине, когда он шилообразной человеческой костью вскрыл сарту артерии и стал выпускать хлынувшую кровь в габалу. Сарт умирал, как истинный мусульманин: он бормотал предсмертную молитву, обратив взор в сторону родных мест, пока не упал на траву. Его четверым товарищам было не лучше: медленно истекали они кровью. Джа-лама обрызгал ею, кровью умиравших врагов, стоявших поблизости и дрожавших от страха цуриков (солдат). Бездыханных жертв бросали в костер»¹. Когда чиновник князя подоспел к месту жертвоприношения и попытался остановить его, утверждая, что по «желтой вере» таких ритуалов не положено, ему возразили: «Джа-богдо-лама исполняет тантра-приношение по стародавнему обычаю, как передают негласные, тайные предания. Его приказ для нас — главный! Так велит поступать с врагами религии Махакала». И в самом деле, что значит слово князя перед авторитетом святого! И он даже больше, чем святой: «Махакала первоначально был одним из образов Шивы как разрушителя мира»².

Махакалу «ламы-иконописцы обязаны были изображать всегда с мечом или ножом, на фоне очищающего огня, с широко раскрытым ртом, готовым впиться в сердце врага желтой веры, выпить его неостывшую кровь. Этот докшит (по-тибетски и дхармапал на санскрите) не просто побеждает Зло, но испытывает блаженство при виде мук носителя этого Зла»³. Это отнюдь не образ демонических сил, не облик зла. Нет, это облик покровителя «желтой веры», облик тех сил, что защищают тибетский буддизм. Его и подобных ему духов в ламаизме называют «Восемь ужасных» (Махакала, Цаган-Махакала, Эрлик-Хан, Охин-Тэнгри, Дурбэн-Нигурту, Намсарай, Чжамсаран, Памба)⁴.

Махакала — демон, сам не способный достичь нирваны, но, покоренный Падмой Самбхавой и иными буддистскими подвижниками, он «обречен

¹ Давид-Ноэль А. Мистики и маги Тибета, с. 39.

² Ломакина И. Голова Джа-ламы, — Улан-Удэ — Петербург, 1993, сс. 6-7.

³ Юзефович Л. Самодержец пустыни, с. 151.

⁴ Юзефович Л. Самодержец пустыни, с. 91.

вечно сражаться с теми, кто препятствует распространению буддизма, причиняет зло людям или мешает им совершать священные обряды»¹.

Далай-ламы (по признанию нынешнего Далай-ламы XIV) с детства связаны с чернобогом Махакалой: «Вскоре после моего рождения на крыше нашего дома поселилась пара ворон. Это представляет особый интерес, поскольку подобные вещи происходили и после рождения первого, седьмого, восьмого и двенадцатого Далай-лам. Позднее, когда Далай-лама Первый вырос и достиг высот в своей духовной практике, он во время медитации установил прямой контакт с божеством-защитником Махакалой. И тогда Махакала сказал ему: „Тот, кто, подобно тебе, утверждает учение буддизма, нуждается в защитнике вроде меня“. Так что, как мы видим, между Махакалой, воронами и Далай-ламами определенно существует связь»². Кроме того, нынешний лауреат Нобелевской премии мира не прочь поработать с демонами и «божественными палачами»: «Для того, чтобы иметь дело с так называемыми гневными защитниками, мы сами должны достичь определенного уровня внутреннего развития. Когда человек достигает некоторых результатов, или стабильности в своей йогической практике, особенно в йоге божеств, и развивает в себе гордость этого божества, то он обретает способность использовать различных защитников и божеств. Вот это правильный путь... Я проводил посвящения Калачакры. При этом я всегда мысленно представлял различных защитников тибетского народа, тибетского сообщества... Эти божества могут оказывать влияние на события, происходящие в мире»³.

Далай-лама не досказал лишь то, что для того чтобы повлиять на самих «гневных божеств» и понудить их «оказывать влияние на события, происходящие в мире», нужно прибегнуть к тайным тантрическим обрядам. То, что совершал Джалама, не вакханалия сумасшедшего; совершенное им жертвоприношение «доступно лишь тем немногим, согласно тантризму, кто овладел обетами алмазной колесницы Ваджры»⁴. То, что Джа-лама делал редко, вполне постоянно «прообразовывалось» обычными ламаистскими обрядами. Например, в юрте у Джа-ламы висел «тулум» — кожа, содранная в 1913 году с пленного киргиза без разрезов, мешком, искусно просолен-

¹ Интервью Далай-ламы XIV с Дж. Аведоном // Путь к себе. 1995, №3, с. 9.

² Интервью Далай-ламы XIV // Путь к себе. 1995, №4, сс. 31. и 39. Вновь напомним о том, кто именно мыслится защитником буддистской веры: «Любой Бодхисаттва может быть выбран и как йидам, но когда, — что часто случается, — он существует в двух ипостасях, одна из которых благая, а другая — гневная, то, как правило, именно последняя выбирается защитником» (Дэви-Неел А. Посвящение и посвященные в Тибете. — СПб., 1994, с. 51).

³ Ломакина И. Голова Джа-ламы. с. 73

⁴ Ломакина И. Голова Джа-ламы. с. 210

ная и просушенная. Это не боевой трофей, но необходимая молитвенная принадлежность. «Есть такие моления лам, когда требуется расстелить на полу перед собой кожу Мангуса, воплощения зла; другое дело, что за неимением ее расстилают кусок белой ткани, символизирующей тулум Мангуса. Поскольку Джа-лама начал строить большой монастырь, кожа врага была нужна ему для будущих хуралов, молебствий»¹.

«Тулум», сопровождавший Джа-ламу в его странствиях, интересен еще вот чем. Каждый народ, каждый город старается, помимо почитания Единого Небесного Отца (если он еще о Нем помнит), обрести более «близкого» духовного покровителя. Москва своим покровителем чтит св. Георгия Победоносца, а Петербург — св. Александра Невского. В античности Афина Паллада считалась покровительницей Афин, а Артемида — Эфеса... Кого же ламаисты считают покровителем своей священной столицы — Лхассы? — Богиню Лхамо. Она изображается всегда скачущей по морю крови на муле, покрытом страшной попоной — тулумом, сделанным из кожи ее сына, которого она сама убила за измену «желтой вере»²...

Обряды Джа-ламы были не настолько «эзотеричны», чтобы никто другой их не практиковал. Когда один из сподвижников Джа-ламы Максаржав в 1921 году совершил переворот, он не просто уничтожил белый гарнизон (отряд атамана Казанцева — часть Унгерновской дивизии). Сердце есаула Ванданова (бурята-буддиста) было съедено. «При появлении в лагере Ванданова чеджин-лама сразу же впал в транс, воплотившееся в него божество требовало себе в жертву трепещущее сердце Ванданова. Ванданова расстреляли, а вынутое сердце было поднесено беснующемуся чеджину, который в экстазе его съел. Позднее он говорил, что во время транса действует божество, а не он, оно и съело сердце Ванданова»³. Исполнители этого действия рассказывали Бурдукову, что «его сало и мясо разобрали на лекарства. В тибетской медицине мясо, сало, череп человека и многое другое употребляются в качестве лекарств. Человеческое мясо и сало преимущественно берутся от казненных»⁴.

Ванданов был принесен в жертву при совершении все того же ритуала освящения знамени. Но на этот раз это было уже — красное большевист-

¹ Ломакина И. Голова Джа-ламы. с. 78.

² Бурдуков А. В. Человеческие жертвоприношения. с. 188.

³ Бурдуков А. В. Человеческие жертвоприношения. с. 189.

⁴ Бурдуков А. В. Человеческие жертвоприношения, с. 188; Ломакина И. Голова Джа-ламы. с. 210.

ское знамя. И командир красных монголов Максаржав вскоре был награжден советским орденом Красного Знамени...

Вскоре в плен к «красномонголам» (термин А. Бурдукова) попал фельдфебель Филимонов из Бийска. И на этот раз сердце пленного было принесено в жертву красному знамени и съедено. Совершал обряд все тот же бывший при Максаржаве чеджин (чойджин) лама¹. «Интересно, что в современных случаях человеческих жертвоприношений инициаторами являются представители 1 высшего ламства — Джа-лама и чеджин»².

Так что речь идет не об эксцессе. Речь идет о традиции. Естественно, эзотерической... В северном буддизме в обиходе «храмовые духовые инструменты из человеческих костей и из этого же материала изготовленные зерна дамских четок... Габала изготавливалась из черепа девственника, умершего естественной смертью и не убившего ни одного живого существа. В нее наливалась кровь жертвенных животных для призывания грозных дхармапала»³.

Когда людям рассказываешь о таких страничках буддистских верований и практик, реакция обычно стандартная: «Да не может такого быть. Ведь всем известно, что буддизм самая миролюбивая религия на земле!». До такой степени люди затерроризированы идеей обязательного «мира между религиями», настолько пленены пропагандой их «равноценности» (при предполагаемом превосходстве буддизма над христианством), что даже Инесса Ломакина, в книге которой о Джаламе столько страшных страниц, считает необходимым делать реверансы в адрес «мудрости ламаизма». «Молодая женщина — член буддийской общины Санкт-Петербурга, прочтя часть рукописи, спросила меня: „К чему все эти ужасы, эти жертвоприношения? Буддист не сорвет травинку, благословляя все, растущее и живущее на земле. Или вы против возрождения ламаизма?“ . Нет-нет, не против; любая вера сейчас, наверное, во благо. Только ламаизм — вера особая, вобравшая мудрость Степи»⁴. Конечно, вырывать сердца из груди живых людей — это идет «во благо человека». Карма убитого от этого становится лучше.

¹ Бурдуков А. В. Человеческие жертвоприношения. с. 189.

² Юзефович А. Самодержец пустыни, с. 149.

³ Ломакина И. Голова Джа-ламы. сс. 208 — 209.

⁴ Юзефович Л. Самодержец пустыни, с. 156. Напомню, что барон Унтерн, один из самых жестоких деятелей Гражданской войны, был буддистом и никогда не был христианином.

Для Унгерна и Джа-Ламы «кровь на лепестках буддийского лотоса казалась чем-то вполне ему соприродным и естественным»⁵. Когда Бурдуков поинтересовался у Джа-ламы, как, будучи буддийским монахом, он может носить оружие, сражаться и убивать, Джа-лама ответил: «Эта истина („щадя все живое“) для тех, кто стремится к совершенству, но не для совершенных. Как человек, взошедший на гору, должен спуститься вниз, так и совершенные должны стремиться вниз, в мир — служить на благо других, принимать на себя грехи других. Если совершенный знает, что какой-то человек может погубить тысячу себе подобных и причинить бедствие народу, такого человека он может убить, чтобы спасти тысячу и избавить от бедствия народ. Убийством он очистит душу грешника, приняв его грехи на себя»⁶. Так что буддизм в состоянии предложить оправдания для преступлений, совершаемых своими адептами.

Но несмотря на это, с поразительной навязчивостью в современной (как оккультной, так и светской) пропаганде веротерпимость и миролюбие буддизма противопоставляются «кровожадности» христиан. Постоянно мелькают заявления типа: «Буддисты — единственные из всех верующих, которые за 2,5 тысячи лет никогда не были причиной кровопролития. Буддисты никогда не начинали войн, тем более братоубийственных, грабданных. Они не насаждали (в отличие от христиан) свою религию огнем и мечом»³. Что ж, прислушаемся к мнению историка: «Большинство западных буддологов подчеркивает „мирный“ характер учения буддизма по сравнению с исламом и христианством, и словно забывая о том, что многие правители древнего и средневекового Востока именовались в буддизме „чакравартинами“, „бодхисатвами“, „буддхараджами“, хотя некоторые из них отличались крайней жестокостью и известны истреблениями целых народов, например, Ашока, Чингис-хан и др. Причем в истории зафиксировано множество случаев, когда агрессия оправдывалась религиозными целями: войны на острове Шри-Ланка за обладание Зубом Будды, поход бирманского царя Ануруддхи на государство Тхатон якобы ради получения палийского закона и т.д. Э. О. Берзин отмечает, что „борьба за разрушение государств старого типа и создание государств нового типа, как это всегда бывало в средневековье, ве-

⁵ Цит. по: Юзефович Л. Самодержец пустыни, с. 153.

⁶ Дмитриева Л. Карма в свете «Тайной Доктрины» Е. П. Блаватской и Агни Йоги Рерихов. Спецкурс лекций по Основам Эзотерической Философии, прочитанный в Государственном Университете Молдовы и Международном Независимом Университете в 1993 — 95 гг. Тематическое приложение к газете Агни Священный. Кишинев, 1996, Беседа 9. с. 118.

³ Корпев В. И. Буддизм и общество в странах Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1987, сс. 186 — 187.

лась под религиозными лозунгами. Так, на поверхности событий мы видим борьбу буддизма хинаяны против буддизма махаяны в Таиланде, Кампучии, Лаосе, борьбу старых анимистических культов против буддизма хинаяны в Бирме, борьбу конфуцианства против буддизма махаяны во Вьетнаме, наконец, борьбу синкретической религии буддизм-индуизм против жрецов каждой из этих религий в отдельности в Индонезии. Необходимость и справедливость захватнической политики правителей, которые покровительствовали сангае и дхарме, идеологи буддизма оправдывают ссылками на эдикты Ашоки, являющиеся канонизированной экзегетикой буддизма тхеравадды, и на канонизированный трактат „Милиндапаньха“, а в целом рассматривают природу этих войн через концепцию чакравартина. Следует отметить, что политика дхармавиджайи (доел. „завоевание с помощью дхармы“) известна в странах южного буддизма как часть концепции чакравартина, согласно которой правитель обязан распространять дхарму на соседние страны, то есть завоевательные походы — это его долг¹.

Буддистские секты самого Тибета, бывало, выясняли отношения между собой с оружием в руках². А в буддистско-синтоистской Японии уже лилась кровь христиан. До начала гонений в стране насчитывалось около 300 000 христиан. И это было сочтено угрозой для национальной безопасности Японии и для благополучия буддистских монастырей. Христианство было объявлено вне закона. В 1623 г. было казнено 27 христиан. В 1618-1621 — убито 50 христиан-японцев. Следующий, 1622, год вошел в историю японской Церкви как «год великомучеников»: 30 христиан было обезглавлено и еще 25 сожжено заживо (из них — девять иностранных католических священников). И так продолжалось два с половиной века. Когда во второй половине XIX века христианство было все же объявлено разрешенной религией, христиан в Японии осталось 100 000 (при этом историк отмечает, что

¹ «Благочестивые обители обладали также и целыми боевыми дружинами монахов... В ту далекую эпоху (в XVI веке) религиозные секты Тибета, которые можно сравнить с католическими монашескими орденами, вели беспрестанные войны за власть, над страной. Основным соперником желтошапочников Гелуглы были красношапочники Кармапы. В самый кульминационный момент войны между красными и желтыми последние решили привлечь на свою сторону племена джунгар, хошутов и торгоутов. Главой их племенного союза считался Турул-байхур, более известный как Гуши-хан. В 1642 г. его армия разгромила боевые отряды Карманы, а вождь союзников передал верховную власть над Тибетом Далай-Ламе V — Агван-ЛовсанЧжямцо, прозванному „Пятым Великим“» (Шишкин О. Н. К. *Рерих. Мощь пещер.* (1) // Сегодня. 10.12.94).

² Данные из книги: Samson G. *A History of Japan.* Vol. 3.— Stanford, California, 1963, pp. 39 — 43.

мало кто из христиан отрекался — большинство предпочитало смерть)¹. Философское освящение этим гонениям было дано трактатом «О вреде христианства», написанным буддистским монахом Судэном².

Да и в унгерновской дивизии, о которой упоминалось выше, самую боеспособную часть составляла Тибетская сотня, присланная барону Далай-ламой³. Значит — были у тибетских лам и боевой опыт, и некоторые цели, ради достижения которых они не только имели войска, но и посылайте их за пределы Тибета.

Так что человеческие жертвоприношения в современном буддизме противоречат разве что не в меру завышенным европейским представлениям о буддизме, а не истории самого буддизма.

В своей истории христиане проливали крови, наверно, не меньше буддистов. Но эта кровь никогда не была ритуальной. И потому церковная жизнь, давно покрывшаяся золой быта и грешками мирян и пастырей, в схоластическом спокойствии ищущая равновесия всех духовных проблем — все же лучше безумного пламени, что опалает ветеранов «контактов с космическим Разумом».

Я был в Мексике. Взбирался на пирамиды...
Что бы они рассказали, если б заговорили?
Ничего. В лучшем случае, о победах

¹ см. *Нагато Хироси*. История философской мысли Японии. — М., 1991, с. 69.

² см. *Юзефович Л.* Самодержец пустыни, с. 165.

³ «Вначале язычество боролось с тем, что хуже его... Обычно разные, несовместимые вещи любили консулы Рима и пророки Израиля; но ненавидели они одно и то же... В Новом Городе, который римляне называли Карфагеном, как и в древних городах финикийцев, божество, работавшее „без дураков“, называлось Молохом; повидимому, оно не отличалось от божества, известного под именем Ваала... И Молох не был мифом: во всяком случае, он питался вполне реально. Эти цивилизованные люди задабривали темные силы, бросая сотни детей в пылающую печь... Принято возмущаться назойливостью поговорки „Карфаген должен быть разрушен“. Но мы забываем,.. что Ганнибал тащил тяжелую цепь войска через перевалы Альп... Полководец, прозванный Милостью Ваала, шел на юг — на город, который его страшные боги хотели разрушить... Это Молох смотрел с горы, Ваал топтал виноградники каменными ногами, голос Танит-Неведомой шептал о любви, которая гнуснее ненависти... Их религия была религией отчаяния, даже когда дела их шли великолепно. Как могли они понять, что римляне еще надеются? В самом сердце их мироощущения лежала усталость, устали они и от войны — как могли они понять тех, кто не хочет прекращать проигранную битву?.. От Нового города осталось только имя. И те, кто раскопал эту землю через много веков, нашли крохотные скелеты, целые сотни — священные остатки худшей из религий» (*Честертон Г. К.* Вечный человек, — М., 1991, сс. 162,167,183 — 185).

над соседним, племенем, о разбитых головах.

О том, что слитая в миску

Богу Солнца, людская кровь укрепляет в последнем мышцу;

что вечерняя жертва восьми, молодых и сильных

обеспечивает восход лучше, чем будильник.

Все-таки лучше сифилис, лучше жерла

единорогов Кортеса, чем эта жертва.

Ежели вам глаза скормить суждено воронам,

лучше, если убийца — убийца, а не астроном.

Иосиф Бродский. «Мексиканский дивертисмент».

Этот мир, мир языческих жертвоприношений был хорошо знаком людям Библии. Не все язычники приносили человеческие жертвы. Например, ненависть римлян к Карфагену не в последнюю очередь объясняется отвращением римлян от человеческих жертвоприношений африканцев¹. Так же, как чувство омерзения к язычеству у библейских пророков становится вполне понятным на фоне ханаанской практики сжигания младенцев во славу Ваала. Жесткое отмежевание первых христиан от «античного наследия» также станет понятнее, если вспомнить, что в глубине этого «наследия» проступала человеческая кровь². И рассказ «Повести временных лет» о том, как Перуна

¹ «Мы коснемся одного, самого внушительного и страшного класса жертвоприношений — искупительных. Они предполагают не радостное и доверчивое, а угнетенное настроение приносящих — угнетенное несомненным божьим гневом, не утоленным никакими молебствиями... Из этой идеи развивается страшный обряд — обряд искупительного человеческого жертвоприношения. Он был всеобщим и на востоке, и на западе, и на севере, и на юге; некогда знала его и Эллада — всем известно жертвоприношение Ифигении... И в историческую эпоху здоровое чувство Греции победоносно борется с этим страшным пережитком. Где человек заменяется жертвенным животным; где — куклой; где человек остается человеком, но жертвоприношение заменяется окроплением жертвенника его кровью, или же его сбрасывают со скалы, принимая меры к тому, чтобы он был спасен; где, наконец, очень редко, — и это было самым строгим отношением к старине, — для жертвоприношения прибегают к присужденного к смертной казни преступника. Все это были так называемые „фармаки“, то есть средства „исцеления“ государства от болезни» (Зелинский. Ф. Ф. Древнегреческая религия. — Киев, 1993, с. 77). Впрочем, эллины помнили, что некогда и у них было иначе: « — Смотри, что ты делаешь, преступный Дамад! Своими словами ты едва не опрокидываешь храмы и алтари богов, — Не все алтари, Тимокл. Ведь что ж в них дурного, если они полны благовоний и фимиама? Но я увидел бы охотно свергнутых со своих оснований алтари Артемиды в Тавриде, на которых эта дева наслаждалась известными всем жертвоприношениями, радовавшимися ее» (Лукиан. Зевс трагический, 44). Известные всем «жертвоприношения» Артемиде — это человеческие жертвы (см.: Лукиан. Избранное. М., 1996, с. 482).

² «Мы коснемся одного, самого внушительного и страшного класса жертвоприношений — искупительных. Они предполагают не радостное и доверчивое, а угнетенное настроение приносящих

пустили в плавание по Днепру, перестает казаться «разрушением культурных памятников родной старины», если вспомнить, что Перуну еще за несколько лет до года Крещения принесли в жертву христиан¹.

Не от жестокости люди приносили столь страшные жертвы — скорее от отчаяния. Слишком далек Бог. Слишком близки боги. И слишком непостоянен у них характер: сегодня помогают — завтра издеваются. И как жест последней надежды люди убивали друг друга перед лицом богов: может, хоть это сделает вас милосерднее...

Нельзя понять Евангелие без рассказа о грехопадении. Нельзя понять сияние Фаворской горы без знания той пропасти, в которую скатились люди. Долго человечество карабкалось к той «полноте времен», когда ему

— угнетенное несомненным божьим гневом, не утоленным никакими молебствиями... Из этой идеи развивается страшный обряд — обряд искупительного человеческого жертвоприношения. Он был всеобщим и на востоке, и на западе, и на севере, и на юге; некогда знала его и Эллада — всем известно жертвоприношение Ифигении... И в историческую эпоху здоровое чувство Греции победоносно борется с этим страшным пережитком. Где человек заменяется жертвенным животным; где — куклой; где человек остается человеком, но жертвоприношение заменяется окроплением жертвенника его кровью, или же его сбрасывают со скалы, принимая меры к тому, чтобы он был спасен; где, наконец, очень редко, — и это было самым строгим отношением к старине, — для жертвоприношения прибегают к присужденного к смертной казни преступника. Все это были так называемые „фармаки“, то есть средства „исцеления“ государства от болезни» (Зелинский. Ф. Ф. Древнегреческая религия. — Киев, 1993, с. 77). Впрочем, эллины помнили, что некогда и у них было иначе: « — Смотри, что ты делаешь, преступный Дамад! Своими словами ты едва не опрокидываешь храмы и алтари богов, — Не все алтари, Тимокл. Ведь что ж в них дурного, если они полны благовоний и фимиама? Но я увидел бы охотно свергнутых со своих оснований алтари Артемиды в Тавриде, на которых эта дева наслаждалась известными всем жертвоприношениями, радовавшая ее» (Лукиан. Зевс трагический, 44). Известные всем «жертвоприношения» Артемиде — это человеческие жертвы (см.: Лукиан. Избранное. М., 1996, с. 482).

¹ «В год 6491 (983) пошел Владимир против ятвигов, и победил ятвигов, и взял их землю. И пошел к Киеву, принося жертвы кумирам с людьми своими. И сказали старцы и бояре: „Бросим жребий на отроков и девиц, на кого падет он, того и зарежем в жертву богам“. Был тогда варяг один, а двор его стоял там, где сейчас церковь святой Богородицы, которую построил Владимир. Пришел тот варяг из Греческой земли и исповедовал христианскую веру. И был у него сын, прекрасный лицом и душою, на него-то и пал жребий, по зависти диавола. И посланные к нему, придя, сказали: „На сына-де твоего пал жребий, избрали его себе боги, чтобы мы принесли жертву богам“. И сказал варяг: „Не дам сына моего бесам“. Посланные ушли и поведали об этом людям. Те же схватили оружие, пошли на него и разнесли его двор. Варяг же стоял в сенях с сыном своим. Сказали ему: „Дай сына твоего, да принесем его богам“. И кликнули, и подсекли под ними сени, и так их убили. И не ведает никто, где их положили» (Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века, — М., 1978, с. 97). До Крещения Владимира и Руси оставалось пять лет...

можно было дать Евангелие. За это время не только много воды утекло — но и много крови у многих алтарей.

Есть смутный отблеск правды в этих кровавых блужданиях религиозного чувства. Действительно, «без пролития крови не бывает прощения» (Евр. 9, 22). Кровь есть жизнь, и человек ощущает потребность именно жизнь, «весь живот наш» вверить, посвятить горнему миру. Кроме того, Бог просит людей; «Сыне, дай мне сердце твое». Но и духи также хотят всецело подчинить себе людей. Поистине, по слову Достоевского, — «здесь дьявол с Богом борются, и поле битвы сердца людей». Союз должен быть не поверхностен, он должен быть заключен не на периферии человеческой жизни, а в ее глубине — в сердце. И вот духи просят: так вынь это сердце наружу и дай его нам. Как жест вверения себя духовным владыкам, человек льет кровь свою и кровь жертв.

Возможно, и у семитов в доветхозаветные времена был культ человеческих жертв. Жертвоприношение Иеффая предстает как отголосок архаичной практики. По весьма вероятной догадке В. Розанова, обряд обрезания родился как замена ханаанскому обычаю жертвоприношения первенцев¹.

И все же не кровь людей, но кровь животных льется в мире Ветхого Завета. Это — лучше, чем «вечерняя жертва восьми молодых и сильных».

Тем не менее, если знать техническую сторону ветхозаветных ритуалов, то планы восстановления иерусалимского Храма и древнееврейского богослужения не вызывают энтузиазма.

Священники ходили по потокам крови и их руки были в самом буквальном смысле «по локоть в крови». Приносят в жертву горлиц — «священник брал голубей, свертывал им голову и переламывал (заживо — опять идея боли) кости крыльев»². «Всесожжение из птиц совершается так: священник отщемляет ее голову со стороны затылка и отделяет ее от туловища,

¹ «Жертвоприношение младенцев не было никогда отменено, но лишь заменено, по милосердию и жалости к страданию родительскому. В законе установлены „ассигнации“, но есть и „золото“. „Бог Израилев“ допустил ассигнации в жертвоприношениях.. На „ассигнациях“ еврейских есть крупинка золота, мазок подлинной крови; это — обрезание. А все-таки нож, в религиозном обиходе евреев, дотрагивается до тела еврейского новорожденного мальчика и извлекает из него кровь... В силу закона Моисеева, всякий младенец мужского пола обречен в жертву Богу, родители должны его выкупить. Это выражалось, пока существовал Храм, через жертву: богатые приносили в жертву ягненка, бедные — двух птенцов голубиных» (Розанов В. В. Важный исторический вопрос // Розанов В. В. Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови, — СПб., 1914, сс. 46 — 54).

² Розанов В. В. Важный исторический вопрос, с. 54.

затем выжимает кровь головы и кровь туловища на стену жертвенника выше черты половины жертвенника; берет голову, приставляет место отщемления к жертвеннику, натирает солью и бросает на огонь жертвенника; затем он от туловища отдирает рукой зоб и кожу, что под ним, с перьями, — и отдирает внутренности, выходящие с ним, — и все бросает на место пепла; затем, держа за крылья, без ножа, разрывает, не отделяя частей, натирает солью и бросает на огонь жертвенника. Как производится отщемление? — он врезается ногтем глубоко с затылка; если хочет, — может ногтем повести туда и обратно, а если не хочет — то вдавливая ноготь... Как держат жертву из птиц во время действия ногтем? — обе ноги ее священник держит между двумя пальцами и оба крыла ее между двумя пальцами, вытягивает ее шею на двух пальцах и производит ногтем разрыв»¹.

Ежедневное утреннее жертвоприношение ягненка (тамида) совершалось таким образом: «Священник говорит тем, за кого приносится жертва: „Выйдите и принесите ягненка из камеры ягнят“. Ягненку связывали переднюю ногу с задней. Голова обращена на юг, а лицо поворачивалось на запад. Заколающий стоит на востоке лицом на запад. Снимавший кожу не ломал задней ноги, но продырявливал колено и вешал; кожу снимал до груди; дойдя до груди, он срезал голову и передавал ее тому, кому выпала голова; затем срезал голени и передавал тому, кому они выпали; он доканчивал снятие кожи, разрывал сердце, выпускал кровь его, отрезал руки (передние ноги). Затем все участники жертвы стоят рядом с жертвенником и держат части расчлененного агнца определенным образом: Первый с головой и задней ногой: голова в правой руке, нос обращен к верхней части руки, рога между пальцами, место зареза наверху и тук над ним, а правая задняя нога его в его левой руке с местом кожи наружи; второй с двумя руками (передними ногами): правая на его правой руке, а левая в его левой, и их место кожи снаружи; третий с хвостом и ногой: хвост в правой руке, курдюк свешивается между его пальцами, и печень и две почки с ним, а левая задняя нога в левой руке... Всего — 9. Они отправлялись и клали свои доли на нижней половине кевеша к западу, солили их, сходили, приходили в камеру газит, чтобы читать Шема (утреннюю молитву).

«Жертвенник всесожжения — 30 локтей ширины и 15 — высоты. Вечный огонь горел на нем. Это был не очаг, а целый пожар. Представьте

¹Талмуд. Трактат Зевахим. Цит. по: Розанов В. В. Жертвоприношения у древних евреев // Розанов В. В. Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови, — СПб., 1914, с. 177. И в других местах Розанов цитирует Талмуд, и все технические описания жертвоприношений мы далее будем приводить по розановской книге.

себе треск, свист шипение огня на таком жертвеннике. Представьте себе почти циклон, образующийся над храмом. По преданию, он никогда не гас даже от дождя. Тут сжигали целых быков, не говоря уже о множестве козлов и баранов. Вообразите, какой стоял запах гари и сала — если от одного шашлыка на Востоке несется чад на несколько улиц! По Иосифу Флавию, на Пасху закапалось 265 тысяч агнцев... Порою священники ходили по щиколотку в крови — весь огромный двор был залит кровью. Со слабыми нервами сюда нечего было идти. В праздник кущей в 1 день приносилось 13 быков. Ветхозаветный культ принудительно устрашал своей огромностью», — дает о. Павел Флоренский картинку ветхозаветного культа¹.

Это общий закон Моисеева ритуала: помазание кровью и кропление кровью. Приблизительно как у нас помазание миром и окропление святой водой. И как в «практическом руководстве для православных пастырей» рассказывают о том, как держать младенца при крещении, чтобы не повредить ему, так в иудаизме хранятся инструкции по убийству животных. Наш священник кропит водой, еврейский кропил кровью.

И вот вся эта внешняя мощь и стихийность древнего культа заменяется вознесением кусочка хлеба и чаши вина... Количественная величественность культа ветхозаветного как бы сжимается в качественную напряженность культа новозаветного. «Христианство бесконечно сгущенное иудейства и окончательно отвечает на законные (ибо „без пролития крови не бывает прощения“ — по слову Апостола) запросы иудейства; но иудейство непрерывно пытается удовлетворить свои запросы временными, и потому недостаточными, средствами»².

И потому уже в зените Ветхого Завета Бог начинает отучать людей от этих жертв. «Жертва Богу — дух сокрушен», — открывается Псалмопевцу. Амосу говорится: «Ненавижу, отвергаю праздники ваши, и не обоняю жертв во время торжественных собраний ваших. Если вознесете Мне всесожжение и хлебное приношение, Я не приму их» (Амос, 5,21— 22). О том же слышит Иеремия: «Всесожжения ваши неуютны, и жертвы ваши неприятны Мне» (Иер. 6, 20). И Исайя передает своему народу: «К чему Мне множество жертв ваших? говорит Господь. Я пресыщен всесожжениями онов; и крови тельцов и агнцев Я не хочу. Не носите больше даров тщетных; новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие — и праздно-

¹свят. Павел Флоренский. *Философия культа* // Богословские труды. №. 17, М., 1977, с. 97.

²Розанов В. В. *В другую плоскость* // Розанов В. В. *Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови*, — СПб., 1914, с. 92.

вание! Новомесячия ваши и празднования ваши ненавидит душа Моя; они бремя для Меня; Мне тяжело нести их. И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои: ваши руки полны крови. Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло¹; научитесь делать добро; ищите правды; спасайте угнетенного; защищайте сироту; вступайтесь за вдову» (Ис. 1, II — 17).

Наконец, наступает время Нового Завета. Если раньше к Богу в жертву пригоняли стада быков и овец, то теперь Бог Сам пришел к людям со Своей Жертвой, со Своим даром. Человеческие усилия взобраться к Богу, человеческая готовность выдавливать из себя и из животных кровь по капле ради того, чтобы ее ручеек вопиял от земли к небу, оказались тщетны: «Закон никого не довел до совершенства» (Евр. 7, 19). Жертвы Ветхого Завета «не могут сделать в совести совершенным приносящего» (Евр. 9, 9). В самом деле — принесение жертв есть движение потревоженной совести, есть смутное ворочание покаянного чувства, ощущение ненормальности своей жизни. Но после принесения жертвы так ничего и не менялось. И потому возникала необходимость новых и новых жертв, и потому жертвы были ежедневными. Трупы животных не могли заполнить пропасти, разверзшейся между Богом и человеком.

Но пришел Христос, Агнец Божий, вземлющий на Себя грехи мира. Не юридическую или нравственную ответственность за грехи людей перед лицом Отца взял на Себя Христос. Он принял на Себя последствия наших грехов. Ту самую ауру смерти, которою люди окружили себя, изолировав себя от Бога, Христос заполнил Собою. Не переставая быть Богом, Он стал человеком. Люди далеко ушли от Бога, невольно пододвинулись к небытию — и туда, к той же границе небытия свободно подошел Христос. Не приемля греха, но приемля последствия греха. Как пожарный, бросающийся в огонь, не соучаствует в вине поджигателя, но соучаствует в боли тех, кто остался в охваченном огнем здании.

Не всех людей Христос нашел на земле. Многие уже ушли в шеол, в смерть. И тогда Пастырь идет за потерявшимися овцами вслед за ними — в шеол, чтобы и там, в бытии после смерти, человек мог находить Бога. Христос проливает кровь не для того, чтобы умилостивить Отца и дать Ему «юридическое право амнистировать» людей. Через пролитие крови Он, Его любовь, ищущая людей, получает возможность для входа в мир смерти. Не как *Deus ex machina* врывается Христос в ад, но Он входит туда, в столицу

¹ В латинском переводе Библии — Вульгате: «отдохните от того, чтобы делать зло».

своего врага, естественным путем — через Свою собственную смерть. Христос мучительно умирает на Кресте не потому, что Он приносит жертву Отцу или диаволу — «Он раскинул руки Свои на кресте, чтобы обнять всю вселенную» (св. Кирилл Иерусалимский. Огласительные беседы. 13, 28).

Жертва Христа — это дар Его любви нам, людям. Он дарит Себя, Свою Жизнь, полноту Своей Вечности нам. Мы не смогли принести должный дар Богу. Бог выходит навстречу и дарит нам Себя.

Богочеловек Себя пожертвовал людям, подарил Свою жизнь нам — не чтобы Ему умереть, но чтобы нам жить в Нем. И поэтому христианское жертвоприношение, Литургия, совершается со словами: «Твоя от Твоих Тебе приносим за всех и за все». Мы теперь Богу приносим не свое, а Богово. Не со своей кровью мы подходим к алтарю. Мы берем плод лозы, возвращенной Творцом. Чаша вина — вот то, что от нас в Литургии (плюс наши сердца, которые мы просим освятить). И мы просим, чтобы этот, первый дар Творца, дар лозы стал вторым Даром — стал Кровью Христа, стал пропитан Жизнью Христа. От Твоих людей, от Твоей земли мы приносим Твою же Жизнь Тебе, Господи, потому что Ты ее дал нам для всех и для избавления от всякого зла. И мы просим, чтобы Твоя Жизнь, Твоя Кровь, Твой Дух жили и действовали в нас. «Господи, ниспосли Духа Твоего Святого на нас и не подлежащие Дары сия», — просит вершинная молитва Литургии.

Мы приносим Богу, к алтарю символ Завета — вино и хлеб. А взамен получаем Реальность: Тело и Кровь; Жизнь Христа. «Со страхом Божиим, любовью и верою — приступите».

Должный дар Богу — это такой, который позволяет глубиной своей совести быть с Богом. Мы — непостоянны. Поэтому взлеты религиозного, покаянного или радостно-славословящего чувства мы оставляем и возвращаемся на путь служения плоти. Но «Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13, 8). И поэтому «Он не имеет нужды приносить жертвы ежедневно, как те первосвященники, ибо Он совершил это однажды, принеся в жертву Себя Самого» (Евр. 7, 27).

Жертву Христа нельзя и не имеет смысла повторять: «Христос вошел не для того, чтобы многократно приносить Себя, иначе надлежало бы Ему многократно страдать от начала мира; Он же однажды, к концу веков, явился для уничтожения греха жертвою Своею» (Евр. 9, 24 — 26).

Аватары — «Спасители» — Индии вынуждены приходить регулярно. Каждый раз, когда в мире затмевается память кармического закона, они

должны приходить и напоминать о нем. Они говорят о космическом круговороте, и в этом круговороте должны принимать участие сами. Но в Библии — линейная история; каждое мгновение времени единично, уникально и ответственно. В библейском времени возможны неповторимые события. Самым важным из них и был приход Христа. Христос воздействует не на разум, не на память людей — и поэтому плод Его пришествия несравнимо глубже. Собою Он изменил вообще всю космическую структуру. Потому что Он пришел не с книгами и «не с кровью козлов и тельцов, но со Своею Кровию, однажды вошел во святилище и приобрел вечное искупление... Кровь Христа очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному» (Евр. 9, 14). Теперь — «имеем дерзновение входить во святилище посредством Крови Иисуса Христа, путем новым и живым» (Евр. 10, 19).

Если бы в то святилище, где человек обретает Бога, можно было войти путем жертв, совершаемых самим человеком, то можно было бы предположить позитивное значение иных, внехристианских религиозных путей. Если бы в это святилище человек входил посредством расширения своего знания о Реальности, то есть путем накопления гнозиса, то можно было бы ожидать появления новой религии, учитывающей «эволюцию достижений человеческой культуры». Но вход в это святилище Бог обусловил иным: Своей любовью и Своей жертвой. Она уже принесена. Однажды и вовеки.

Не надо бояться необычности Божия решения. Не надо убегать от Христа и Его Церкви в Шамбалу, в Индию или в «Третий Завет». Бог уже давно ждет нас рядом с нашим домом в обычной приходской церквушке на соседней улице, где каждое воскресное утро совершается Таинство Любви. Та Любовь, что некогда зажгла и сдвинула Солнце и светила, искрится и в маленькой Евхаристической чаше:

И Евхаристия, как вечный полдень, длится —
Все причащаются, играют и поют,
И на виду у всех Божественный сосуд
Неисчерпаемым веселием струится...

О. Мандельштам